

Г 95

дство „КОММУНИСТЪ“.
стенка, 8. (Уг. Рыбникова пер.).
оварской пер., д. 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227-42.

Ц. С. Туревичъ.

СПАРТАКЪ

ПРЕДВОДИТЕЛЬ
РИМСКИХЪ
ГЛАДІАТОРОВЪ.

По роману „Спартакъ“ Джіованіоли.

Съ 20 рисунк. художн. И. Гурьева.

Цѣна 3 р. 50 к.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Л. Я. Ганзбурга, Мытнинская ул., 11.

1919.

1969

23658

1967-68 г.

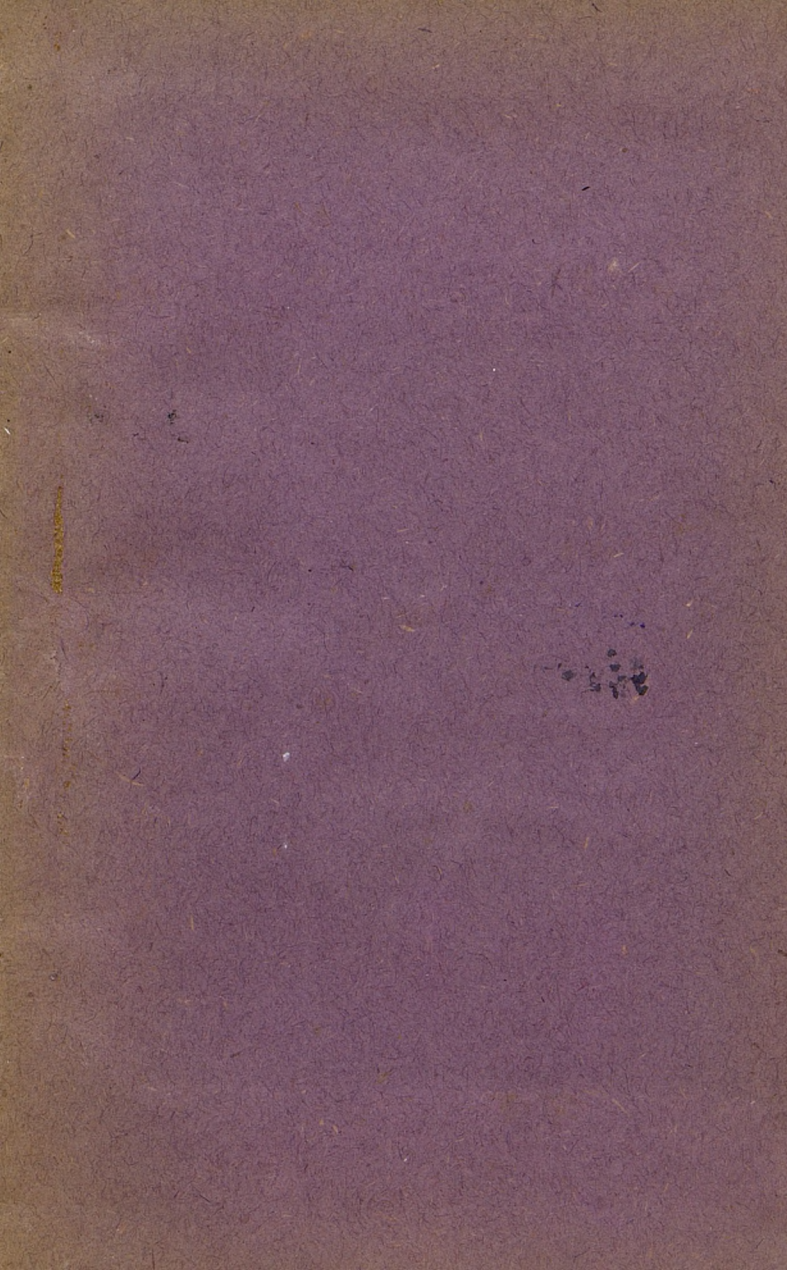
Г 951 Гуревич, и. с.
Спартак - предводитель
1918

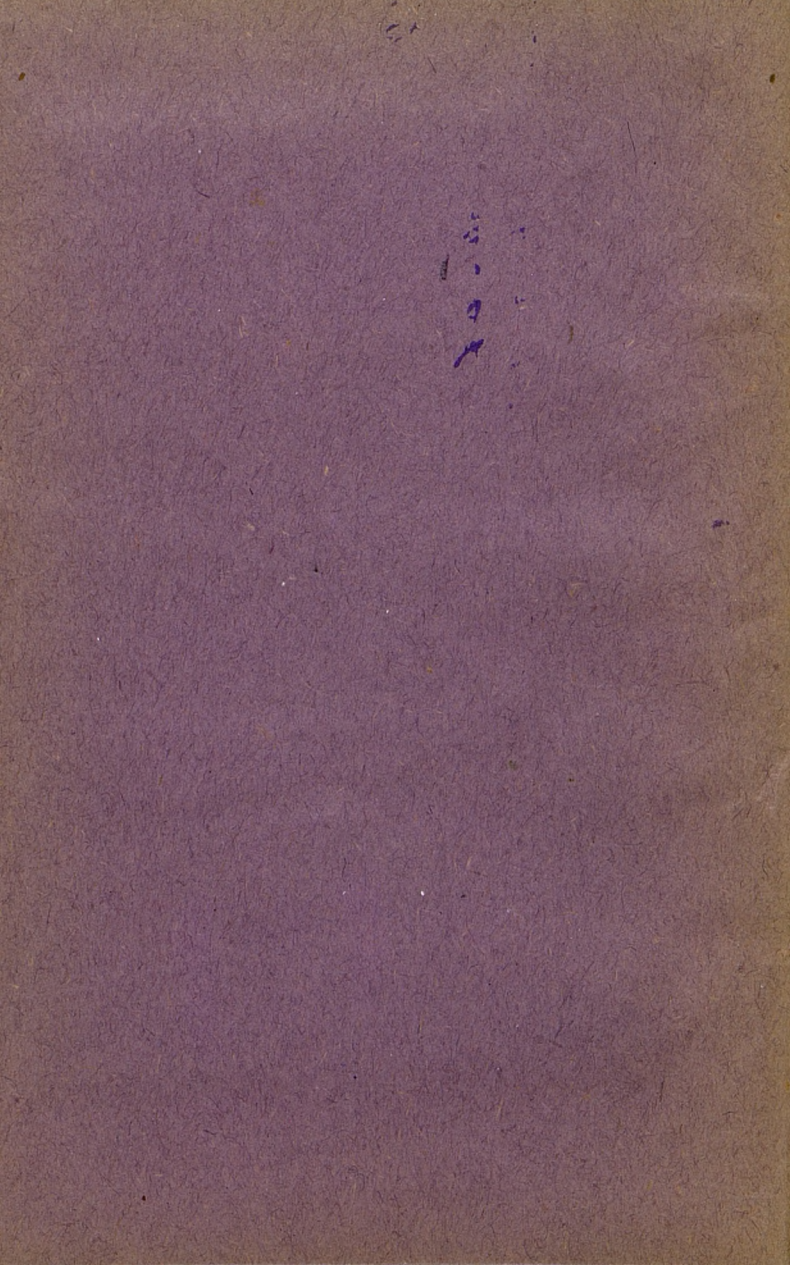
23658

№ 62-288

Берегите книгу

- Не перегибайте книгу
во время чтения
- Не загибайте углов
- Не делайте надписей на книге
- Не смачивайте пальцев слюною
перелистывая книгу
- Завертывайте книгу в бумагу.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖИЗНЬ И ЗНАНИЕ“.
Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227-42.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА. КНИГА 161-я.

Ц. С. Туревичъ.

Г-951

СПАРТАКЪ

ПРЕДВОДИТЕЛЬ РИМСКИХЪ ГЛАДІАТОРОВЪ.

(По роману „Спартакъ“ Джіованіоли).

Со многими рис. художника И. Гурьева.

ПЕТРОГРАДЪ
1918.

==ТИПОГРАФІЯ Л. Я. ГАНЗБУРГА.==

ПЕТРОГРАДЪ, МЫТНИНСКАЯ УЛ. 11.

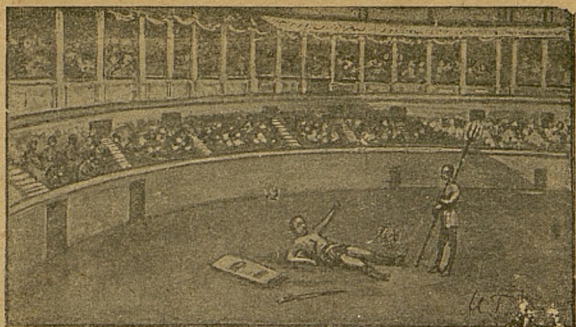
1867-68 г.

23658

708308-2 kx per

Российская государственная
детская библиотека

Предисловіе.

Разсказъ, который я предлагаю читателямъ, не вымыселъ, а дѣйствительное происшествіе, случившееся хотя и очень давно, но сохранившее и до сихъ поръ самый живой интересъ.

Дѣло происходило въ Италіи за 73 года до Рождества Христова. Городъ Римъ былъ самый многочисленный и богатый во всемъ мірѣ.

Благодаря частымъ и удачнымъ войнамъ, римляне покорили себѣ почти всѣ извѣстныя въ то время страны и, по тогдашнимъ обычаямъ, обратили ихъ въ рабство.

Рабы должны были обрабатывать римскія поля, заниматься ремеслами и исполнять другія тяжелыя работы.

Бѣдные невольники были совершенно беззащитны, такъ какъ законы, составленные богатыми, были чрезвычайно суровы и строги къ нимъ. Каждый римлянинъ могъ наказывать и даже казнить своего раба, по своему личному усмотрѣнію.

Кромѣ того, рабство, освободивъ римлянъ отъ необходимости трудиться, приучило ихъ къ жестокимъ и грубымъ забавамъ, изъ которыхъ самой ужасной былъ бой рабовъ.

Несчастные должны были сражаться между собою на жизнь и на смерть.

Эти кровавыя зрѣлища происходили подъ открытымъ небомъ, въ большихъ круглыхъ циркахъ; на срединѣ такого цирка находилось мѣсто, усыпанное пескомъ, называвшееся „ареной“.

Бойцы, которые своею смертию должны были развлекать скучавшихъ богачей, назывались „гладіаторами“.

Раненый и упавшій гладіаторъ обращалъ умоляющій взоръ къ народу и, смотря по тому, какой знакъ тотъ подавалъ, его щадили или добивали на мѣстѣ.

Римляне страстно любили подобныя зрѣлища, въ которыхъ кровь лилась рѣкой. Поэтому въ гладіаторы они выбирали самыхъ сильныхъ и храбрыхъ рабовъ, которыхъ, въ особыхъ школахъ обучали сражаться и хорошо владѣть оружіемъ.

Всѣ эти притѣсненія и жестокости озлобили бѣдныхъ рабовъ и они рѣшили отомстить ненавистнымъ римлянамъ и добиться свободы.

Предводителемъ ихъ явился гладіаторъ Спартакъ, который своимъ мужествомъ и краснорѣчіемъ побудилъ своихъ товарищей поднять оружіе противъ притѣснителей. Они рѣшили, что лучше проливать свою кровь за свободу, чѣмъ для поѣтки надменныхъ богачей.

I.

Въ одинъ изъ ноябрьскихъ дней 74-го года до Рождества Христова, по улицамъ Рима, какъ въ праздникъ, двигалось много народа. Всѣ направлялись къ концу города къ большому цирку. Владыка Рима и Италіи, счастливый Сулла, чтобы забыть на минуту свою мучительную, неизлѣчимую болѣзнь, рѣшилъ позабавить себя и римскій народъ кровавымъ боемъ гладіаторовъ.

Циркъ биткомъ набить, жаднымъ до развлеченій, народомъ; всѣ ждутъ не дождутся начала представленія. Когда всѣ знатные и богатые римляне заняли свои мѣста, распорядитель отдалъ приказъ начинать.

Сто человекъ сильныхъ гладіаторовъ вышли на арену. Они мирно разговаривали между собой, несмотря на то, что имъ предстояло сейчасъ драться, какъ злѣйшимъ врагамъ и пролить свою кровь для забавы безжалостныхъ зрителей.

Вотъ всѣ гладіаторы въ ожиданіи своей очереди для боя, размѣстились по обширной аренѣ. Двое изъ нихъ вышли на середину цирка; взоры зрителей сосредоточились на нихъ. Эти два гла-

діатора должны были начинать представленіе. Они стали въ двадцати шагахъ одинъ отъ другого. Каждый изъ нихъ думалъ о томъ, какъ бы лучше напасть на противника; каждый изъ нихъ зналъ хорошо, что побѣжденный будетъ убитъ. Нѣсколько ловкихъ прыжковъ и они очутились другъ возлѣ друга; смертельный, отчаянный бой начался.

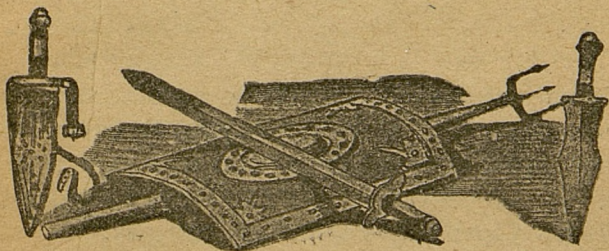
Толпа съ наслажденіемъ смотрѣла на бой гладіаторовъ и своими криками разжигала ихъ ярость.

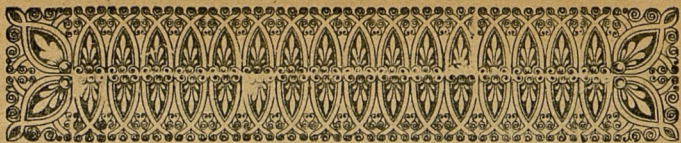
„Хорошенько, хорошенько его!.. Убей эту глупую тряпку, этого труса!“ кричала тысячная толпа со злобой на ослабѣвшаго бойца.

Ободренный криками римлянъ, одинъ изъ гладіаторовъ все сильнѣй и сильнѣй наступалъ на противника, который, въ изнеможеніи закрывшись щитомъ, старался только уклониться отъ ударовъ вражескаго трезубца. Уже щитъ несчастнаго разлетѣлся въ дребезги; трезубецъ врага вонзился въ его руку; кровь потекла ручьемъ по аренѣ. Но почти въ то же мгновеніе, въ порывѣ отчаянья, ослабѣвшій боецъ раненой лѣвой рукой схватилъ трезубецъ врага, а правой рукою вонзилъ въ него мечъ; тотъ сдѣлалъ было нѣсколько шаговъ, но скоро упалъ сперва на колѣни, а потомъ въ безсиліи распростерся на землѣ, обагривъ своей кровью арену. Побѣжденный взоромъ упрашивалъ зрителей—даровать ему жизнь.

Но римляне видно хотѣли еще насладиться предсмертными судорогами несчастнаго раба и приговорили его къ смерти. Побѣдитель хотѣлъ добить

осужденнаго, но тотъ, собравшись съ послѣдними силами, выхватилъ мечъ, самъ вонзилъ его себѣ въ сердце, и страшнымъ, нечеловѣческимъ голосомъ крикнулъ: „Будьте прокляты, звѣри!.. Мучители!..“ Задыхаясь, онъ упалъ на спину и тотчасъ же умеръ.

II.

Толпа безумно радовалась, и тысячи голосовъ наполняли циркъ бурнымъ шумомъ. На аренѣ появились прислужники цирка, чтобы убрать трупъ раба. Прежде чѣмъ его унести, они раскаленнымъ желѣзомъ удостовѣрились въ его смерти.

Зрители теперь обращали мало вниманія на арену и горячо обсуждали только что окончившійся бой.

На мѣсто, покрытое лужами крови, высыпали нѣсколько мѣшковъ чистаго песку. Арена была готова для новой борьбы. Передъ зрителями выступили 30 паръ гладіаторовъ. Раздѣлившись на двѣ партіи, они выстроились другъ противъ друга. Разговоры, шумъ и смѣхъ среди зрителей смолкли. Бой начался и привлекъ къ себѣ все вниманіе народа.

Первое столкновеніе было ужасно: металлическій звонъ щитовъ и мечей рѣзко раздался среди глубокой тишины. То расходясь, то сходясь, гладіаторы яростно бились; ломались щиты и мечи отъ сильныхъ ударовъ. Всѣ гладіаторы были

сильны, ловки и храбры. Зрители поняли, что сраженіе будетъ одно изъ самыхъ жестокихъ.

Битва только что началась, а по аренѣ текла уже кровь и гладіаторы, умирая, лежали подъ ногами товарищей.

Трудно представить себѣ, съ какимъ интересомъ и замираніемъ слѣдили зрители за ходомъ кровавой рѣзни.

Мало-по-малу, когда ряды гладіаторовъ стали замѣтно рѣдѣть, начали чаще и чаще раздаваться одобрительные возгласы.

Черезъ часъ битва приближалась къ концу; пятьдесятъ гладіаторовъ совершенно мертвыхъ и умирающихъ, разбросанные тамъ и сямъ, обливали своею кровью арену, и злобно рыча корчились въ предсмертныхъ судорогахъ.

Особенно сильно пострадали гладіаторы-эракійцы; ихъ осталось всего трое, въ то время какъ ихъ противники-самниты, въ числѣ семи человѣкъ, окружили и тѣснили ихъ со всѣхъ сторонъ. Эракійцы съ отчаяніемъ сопротивлялись. Среди нихъ особенно обращалъ на себя вниманіе гладіаторъ по имени Спартакъ. Ему только что минуло 30 лѣтъ. Длинные бѣлокурые волосы и густая борода обрамляли его красивое, мужественное лицо. Особенно выразительны были его большіе синіе глаза, полные жизни, чувства и огня; въ спокойномъ состояніи въ нихъ свѣтилась доброта, но они сильно измѣнялись, когда онъ воспламенялся гнѣвомъ. Тогда глаза его метали молніи, лицо дѣ-

лалось страшно. Таковъ онъ былъ во время сраженія въ циркѣ. Только нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Спартакъ сталъ гладіаторомъ. Онъ былъ раньше княземъ во Фракіи*) и храбро сражался съ римлянами, когда они напали на его родину. Попавъ къ нимъ въ плѣнъ, онъ, благодаря своей силѣ и храбрости, былъ зачисленъ въ римскія войска, сражался подъ ихъ знаменами; за отличіе былъ произведенъ въ начальники маленькаго отряда. Но когда римляне снова начали войну съ его родиной, Спартакъ бѣжалъ изъ войска и перешелъ на сторону своего народа. Тутъ онъ снова былъ раненъ и попалъ въ руки враговъ; вмѣсто заслуженной, по римскимъ законамъ, имъ смертной казни, въ видѣ особой милости, его осудили служить гладіаторомъ и продали содержателю цирка. Онъ объѣздилъ со своимъ хозяиномъ почти всѣ города Италіи и принималъ участіе болѣе чѣмъ въ ста гладіаторскихъ сраженіяхъ, не получивъ ни одной серьезной раны. Какъ не были сильны и храбры другіе гладіаторы, но онъ настолько былъ сильнѣе и ловчѣе ихъ всѣхъ, что всегда выходилъ побѣдителемъ изъ сраженія, широко разнося свою славу по всѣмъ циркамъ Италіи.

Битва между тѣмъ продолжалась.

— „Бейте, рѣжьте этихъ трехъ варваровъ!“

*) Фракіей въ древности называлась страна, расположенная на Балканскомъ полуостровѣ.

кричала тысяча голосовъ. Въ отвѣтъ на это раздавались не менѣе многочисленные голоса, ободрявшіе еракійцевъ, которымъ оставались лишь надежды; но они сильно рассчитывали на силу и ловкость Спартакъ, сохранившаго неповрежденнымъ свое оружіе, и какъ разъ въ эту минуту поразившаго одного изъ своихъ семи противниковъ.

Этотъ ударъ вызвалъ страшный шумъ въ циркѣ, и многіе кричали: „Смѣлѣй, Спартакъ! Bravo, Спартакъ! Да здравствуетъ Спартакъ!“ Два еракійца, помогавшіе смѣлому товарищу въ его отчаянной борьбѣ, были сильно ранены и медленно, слабо наносили свои удары, такъ какъ силы ихъ совсѣмъ истощились.

— „Охраняйте мою спину!“—крикнулъ Спартакъ звучнымъ голосомъ, продолжая въ то же время съ быстротою молніи махать своимъ короткимъ мечомъ, которымъ ему пришлось отражать одновременно удары всѣхъ своихъ враговъ.— „Охраняйте мою спину!.. Еще минута и мы побѣдимъ!“

Голосъ его прерывался, въ груди захватывало духъ, по блѣдному лицу струились крупныя капли пота, въ сверкавшихъ глазахъ выражались жажда побѣды, гнѣвъ и отчаяніе.

Другой гладіаторъ, раненый имъ въ животъ, вскорѣ упалъ возлѣ Спартакъ, обагривъ кровью и устилая кишками арену. Съ громкимъ проклятіемъ онъ испустилъ свой послѣдній вздохъ. Но въ то

же время одинъ изъ оракійцевъ, стоявшихъ за спиною Спартака, также упалъ съ разсѣченнымъ черепомъ. Рукоплесканія, крики поощренія сыпались со всѣхъ сторонъ; глаза публики были прикованы къ аренѣ, слѣдя за каждымъ движеніемъ сражающихся.

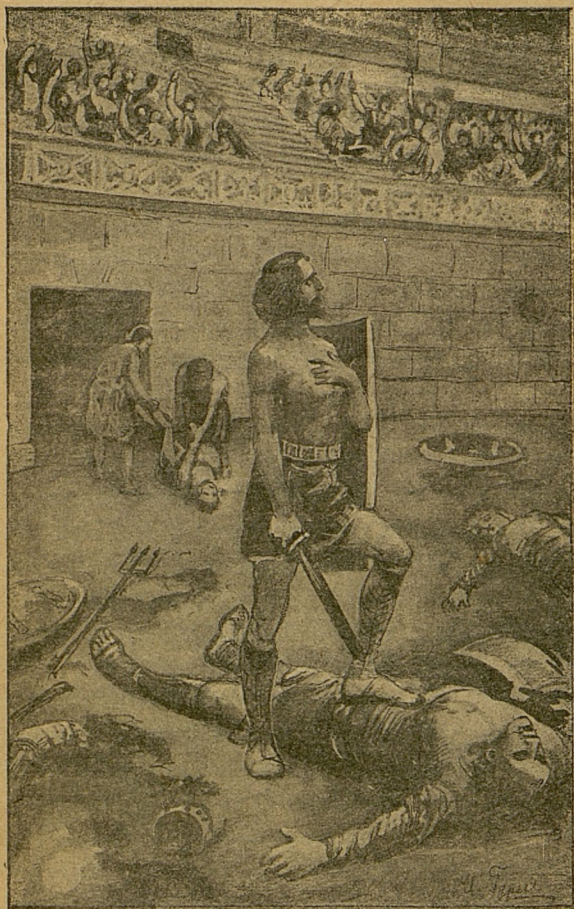
Еще одинъ самнитъ погибъ, но за то единственный товарищъ Спартака, пораженный нѣсколькими ударами, тоже упалъ, даже не вскрикнувъ.

Всѣ содрогнулись. Смутный ропотъ пробѣжалъ въ толпѣ зрителей; но вскорѣ опять настала глубокая тишина, такъ что ясно слышалось тяжелое, учащенное дыханіе сражающихся.

Спартакъ въ теченіе этой долгой полуторачасовой борьбы получилъ только три легкія раны,—скорѣй царапины и этимъ онъ былъ обязанъ своей безпримѣрной ловкости. Хотя самниты всѣ были болѣе или менѣе тяжело ранены, однако теперь они представляли для Спартака серьезную опасность.

Какъ ни былъ силенъ, какъ ни былъ храбръ Спартакъ, но со смертью послѣдняго товарища онъ считалъ себя погибшимъ. Но вдругъ глаза его заблестали; ему пришла въ голову счастливая мысль—употребить въ дѣло хитрость.

Онъ бросился бѣжать. Враги преслѣдовали его. Не пробѣжавъ и пятидесяти шаговъ, Спартакъ вдругъ обернулся и, бросившись на ближайшаго къ нему врага, пронзилъ его въ грудь своимъ короткимъ мечомъ. Раненый пошатнулся, простеръ

Сотни голосовъ кричали: „свободу Спартаку!“ (Стр. 14).

руки, какъ бы ища опоры и упалъ. Тутъ-же Спартакъ бросился на другого противника и отразивъ щитомъ ударъ его меча, распростеръ его на землѣ.

Въ толпѣ раздались крики удивленія; теперь почти вся публика была на сторонѣ Спартака. Едва упалъ второй изъ четырехъ оставшихся самнитовъ, какъ приблизился третій, все тѣло котораго было покрыто ранами. Спартакъ ударилъ его щитомъ по головѣ, не желая употребить въ дѣло мечъ и стараясь не убивать его. Оглушенный ударомъ несчастный зашатался и упалъ на арену въ то время, какъ на помощь ему подоспѣлъ послѣдній изъ его товарищей, уже въ конецъ обезсиленный потерей крови. Спартакъ напалъ на него, но не желая его ранить, двумя ударами выбилъ мечъ и, охвативъ его своими могучими руками, повалилъ его на землю, шепча ему на ухо: „Не бойся Криссъ, я надѣюсь, что мнѣ удастся спасти тебя“. Съ этими словами онъ слегка уперся обѣими ногами въ грудь своихъ противниковъ и ждалъ народнаго рѣшенія.

Единодушныя продолжительныя рукоплесканія раздались въ циркѣ; почти всѣ присутствовавшіе поднимали вверхъ пальцы правой руки, въ знакъ того, что побѣжденнымъ дарована жизнь.

Между тѣмъ сотни голосовъ кричали: „Свободу доблестному Спартаку!“

Услышавъ эти слова, Спартакъ сильно поблѣднѣлъ отъ волненія; и глаза его радостно заблестали. Онъ положилъ руку на сердце, какъ бы для того,

чтобы сдержать его страшное бѣненіе, вызванное одною надеждой на свободу.

— Свободу, свободу!—повторяли тысячи голосовъ.

— „Свобода“, прошепталъ упавшимъ голосомъ гладіаторъ,—Свобода! О, боги, да не будетъ это сномъ!.. И на глазахъ его выступили слезы.

„Онъ бѣжалъ изъ нашего войска“, крикнулъ чей-то голосъ; „не слѣдуетъ давать свободы перебѣжчику!“ Къ этому голосу присоединились еще многіе другіе: „Нѣтъ, нѣтъ, онъ перебѣжчикъ!“

Лицо еракійца передернулось, онъ обернулся въ сторону, откуда слышались голоса обвиненія и весь дрожалъ.

Между тѣмъ тысячи голосовъ повторяли: „свободу, свободу, свободу Спартаку!“ Невозможно описать тѣ чувства, которыя испытывалъ бѣдный гладіаторъ. Томительная мука, переживаемая имъ въ эти минуты, достаточно ясно отражалась на его блѣдномъ лицѣ. И этотъ человѣкъ, боровшійся полтора часа со смертью, не испытывъ ни минуты слабости, принужденный сражаться противъ четырехъ противниковъ и неотчаявшійся въ спасеніи, человѣкъ, только-что убившій 12 или 15 своихъ товарищей по несчастью,—этотъ человѣкъ почувствовалъ теперь, что колѣни его подгибаются. Боясь упасть въ обморокъ посреди цирка, Спартакъ оперся на плечо одного изъ служителей, пришедшихъ на арену убирать трупы. „Свободу, свободу“, продолжала кричать толпа.

„Да, онъ вполнѣ достоинъ свободы“, сказалъ одинъ изъ друзей Суллы ему на ухо. „Что-жъ!“ сказалъ Сулла, пусть будетъ такъ, и онъ слегка кивнулъ головой. И такъ Спартакъ получилъ, наконецъ, свободу среди бѣшеныхъ рукоплесканій толпы.

„Ты свободенъ“, сказалъ ему слуга: „Сулла даровалъ тебѣ жизнь“.

Спартакъ не отвѣчалъ и не шевелился; ему казалось, что все это онъ видитъ во снѣ. Наконецъ, онъ опомнился, выпрямился во весь свой ростъ поклонился Суллѣ, поклонился народу и ушелъ съ арены, провожаемый взрывами рукоплесканій.

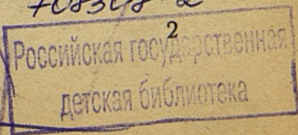
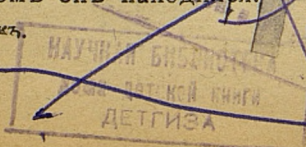
III.

Въ одномъ изъ самыхъ дальнихъ, узкихъ и грязныхъ переулкахъ Рима стояла открытая днемъ и ночью харчевня, которая называлась: „Венера Погребальная“. Харчевня получила такое мрачное названіе, по всей вѣроятности, потому, что тотчасъ за воротами лежало, съ одной стороны, кладбище для рабовъ, гдѣ ихъ хоронили, какъ попало, въ общихъ могилахъ, а съ другой тянулось обширное поле, куда бросали на съѣденіе волкамъ и воронамъ трупы гладіаторовъ и преступниковъ.

Войдя въ низкую дверь и спустившись по нѣсколькимъ ступенькамъ, можно было видѣть большую почернѣвшую отъ дыма комнату. Вдоль стѣнъ ея тянулись грязныя скамейки, съ такими же грязными столами.

Около полуночи того самаго дня, когда происходилъ бой гладіаторовъ, харчевня была биткомъ набита народомъ. Шумъ и гамъ наполняли не только самый кабакъ, но и грязный переулокъ, въ которомъ онъ находился.

СПИСОКЪ.

За однимъ изъ столовъ сидѣло около десяти гладіаторовъ, среди которыхъ былъ также и Спартакъ. Не возможно описать радости товарищей, узнавшихъ объ его освобожденіи. Бывшіе въ циркѣ съ гордостью показывали счастливаго Спартака, о которомъ говорилъ весь Римъ. Присутствующіе угощали своего любимца виномъ и ужиномъ. Всѣ веселились, одинъ лишь Спартакъ, утомленный волненіями и радостью, испытанными имъ въ теченіе этого дня, былъ задумчивъ и угрюмъ.

— Клянусь всѣми богами, я не понимаю тебя, Спартакъ, сказалъ однимъ изъ его друзей, — ты сегодня вовсе не пьешь и такъ скупенъ, что глядя на тебя, можно подумать, что ты сидишь не на пиру друзей, празднующихъ твое освобожденіе, а на поминкахъ родной матери!..

— Матери!.. воскликнулъ Спартакъ, весь вздрогнувъ при этомъ словѣ.

Онъ вспомнилъ свою родину, мать, жену, сестру... Голова его опустилась еще ниже отъ тяжелыхъ думъ, лицо сдѣлалось еще мрачнѣе.

Тогда другъ его, вставъ съ своего мѣста, воскликнулъ:

— Пью за свободу!...

„За свободу!“ подхватили, сверкая глазами, несчастные гладіаторы, высоко поднявъ стаканы.

— Счастливъ ты, Спартакъ, что освободился при жизни,—сказалъ тихимъ голосомъ молодой гладіаторъ, съ бѣлокуроми, какъ ленъ, волосами, „насъ же избавить отъ рабства одна могила“.

При первомъ крикѣ „свобода“ лицо Спартакѣ мгновенно просвѣтлѣло. Онъ всталъ во весь ростъ и, поднявъ стаканъ, тоже воскликнулъ громкимъ звучнымъ голосомъ:

— За свободу!...— Затѣмъ онъ запѣлъ любимую гладіаторскую пѣсню:

Какъ соколъ, вольный онъ родился,
Какъ левъ пустыни былъ могучъ,
Но не долго жилъ на волѣ:
Грянулъ громъ изъ мрачныхъ тучъ.

*
* *

И закованный врагами,
Подъ унылый звукъ цѣпей,
Онъ уходитъ въ край далекій
Отъ жены, родныхъ, дѣтей.

*
* *

Не съ врагомъ, въ бою открытомъ,
Не за честь страны своей,
Умираетъ гладіаторъ
На потѣху богачей.

„Наша пѣсня!“ радостно воскликнули многіе изъ рабовъ.

Но тутъ въ комнату вошла молодая дѣвушка, которую присутствовавшіе привѣтствовали какъ знакомую: „Ѳракійка, Ѳракійка“, раздались голоса.

При этомъ словѣ Спартакъ весь вздрогнулъ. Онъ опять вспомнилъ свою родину Ѳракію, свои горы,

свой домъ, свою бѣдную семью! Сколько горькихъ воспоминаній, сколько разрушенныхъ надеждъ.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, прелестная еракійка, — между тѣмъ кричало нѣсколько голосовъ. — На, выпей! вѣдь ты за этимъ и пришла, — сказалъ какой-то могильщикъ, наливая ей стаканъ. Всѣ окружили дѣвушку. Дѣйствительно, она была очень хороша собой. Ей было не больше 20 лѣтъ. На правильномъ, розовомъ личикѣ сверкала пара прелестныхъ, голубыхъ глазъ, длинныя бѣлокурыя косы раскидывались по плечамъ и вокругъ ея стройнаго стана. Она была одѣта въ голубое платье, обшитое серебряной бахромой, на рукахъ блестѣли серебряныя браслеты. Тонкая кисея, повязанная на головѣ, закрывала до половины лобъ. По всей наружности можно было догадаться, что она не римлянка, а рабыня.

Въ эту харчевню она начала ходить нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, убѣжавъ, вся избитая и окровавленная, отъ своего хозяина. Здѣсь ее обласкали, дали стаканъ вина, и съ тѣхъ поръ каждые два-три дня она непременно заходила въ „Венеру Погребальную“, гдѣ отдыхала отъ той адской жизни, какую заставилъ ее вести подлый хозяинъ. Она сѣумѣла своимъ милымъ личикомъ и скромнымъ обхожденіемъ смягчить сердца даже грубыхъ посѣтителей харчевни, которые всѣ обращались съ ней отечески нѣжно.

Осмотрѣвши всѣхъ находившихся въ харчевнѣ,

еракійка вдругъ поблѣднѣла, какъ полотно и бросилась съ Спартаку.

— Спартакъ, милый Спартакъ! Ты-ли это?—

Гладиаторъ взглянулъ на дѣвушку и внѣ себя отъ волненія воскликнулъ:

— Мирца, сестра моя, возможно-ли?

Братъ и сестра бросились на шею другъ другу среди всеобщей тишины и удивленія. Но опомнившись отъ восторга, Спартакъ вдругъ отшатнулся и схвативъ сестру за плечи, сталъ осматривать ее съ головы до ногъ. Онъ сдѣлался блѣднѣе смерти и дрожащимъ голосомъ прошепталъ: „Но ты... ты стала... О, боги!...“ простоналъ онъ, хватаясь за голову.

—Я—рабыня!—рыдая говорила несчастная дѣвушка,—рабыня негодяя... Понимаешь? Розги, пытки, раскаленное желѣзо заставили меня потерять стыдъ. О, Спартакъ, Спартакъ!..

—Несчастливая!—проговорилъ со слезами въ голосъ гладиаторъ, нѣжно прижимая къ груди сестру и покрывая лицо ея поцѣлуями. Но черезъ минуту поднявъ кверху полныя слезъ глаза и потрясая сжатымъ кулакомъ онъ крикнулъ: „И Юпитеръ *) существуетъ! И у него есть молніи!“

— Нѣтъ, боги—пустой вымыселъ, или они также

*) Юпитеръ, по вѣрованію древнихъ римлянъ, былъ богомъ грома и молніи.

несправедливы, какъ люди. Мирца рыдала на могучей груди брата.

— О пусть будетъ проклята,—вскричалъ со стономъ Спартакъ, пусть будетъ проклята во вѣки вѣковъ память перваго человѣка на землѣ, потому что отъ его сѣмени произошло два поколѣнія людей: свободные и рабы.

IV.

Два мѣсяца прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ братъ и сестра встрѣтились въ харчевнѣ, и все это время Спартакъ думалъ о томъ, какъ бы вырвать несчастную Мирцу изъ рукъ человѣка, подвергавшаго ее такому униженію.

Одинъ богатый римлянинъ, узнавши про его бѣду, предложилъ ему займы нѣсколько сотъ рублей. Спартакъ съ благодарностью принялъ эти деньги, обѣщая отдать ихъ при первой возможности. Онъ тотчасъ же отправился къ хозяину сестры и заявилъ ему о своемъ желаніи выкупить Мирцу. Но хищникъ, видя, что Спартакъ сгораетъ отъ нетерпѣнія избавить свою сестру отъ позорной жизни, запросилъ за дѣвушку огромную сумму въ 5000 рублей, сказавъ, что она молода, красива, скромна, очень всѣмъ нравится, и слѣдовательно, приносить ему большой доходъ.

Что почувствовалъ Спартакъ, услышавъ эти слова—легче вообразить, чѣмъ рассказать. Онъ сталъ просить, умолять негодяя сжалиться надъ нимъ, онъ бросился къ его ногамъ, но извергъ зналъ, что съ нимъ ничего нельзя подѣлать, что

законъ на его сторонѣ, и потому не соглашался.

Тогда Спартакъ вскочилъ на ноги, схватилъ его за горло и, безъ всякаго сомнѣнія, задушилъ бы его, если бы не вспомнилъ о своей сестрѣ и о томъ, что, задушивъ хозяина, онъ погибнетъ самъ и ни въ какомъ случаѣ не освободитъ своей сестры.

Онъ успокоился, выпустилъ изъ рукъ хозяина и ровнымъ голосомъ спросилъ его: „Такъ ты хочешь... пять тысячъ рублей?..“

— Я не хочу ничего... убирайся... убирайся къ чорту... или я позову всѣхъ моихъ рабовъ.

— Прости меня... я погорячился... бѣдность, братская любовь... Послушай, поторгуюемся, можетъ мы и сойдемся.

Мало-по-малу бѣдному еракійцу удалось успокоить жестокаго хозяина и прійти съ нимъ къ соглашенію.

Спартакъ предложилъ ему тотчасъ же пятьсотъ рублей съ тѣмъ, чтобы онъ поселилъ Мирцу въ отдѣльномъ помѣщеніи и пересталъ торговать ею тѣломъ. Если черезъ мѣсяцъ Спартакъ не уплатитъ остальныхъ 4500 р., то хозяинъ вступаетъ снова во всѣ свои права.

Золотые червонцы блестѣли обворожительно, условія были самыя выгодныя для хозяина Мирцы, и онъ согласился,

Спартакъ сейчасъ-же взялъ сестру изъ этого дома, поселился вмѣстѣ съ нею недалеко отъ

Онъ сталъ просить, умолять. (Стр. 23).

квартиры ея хозяина и сталъ придумывать, гдѣ бы достать недостающихъ денегъ. Конечно, бѣдному вольноотпущеннику не удалось бы достать такой суммы, но тутъ ему пришелъ на помощь тотъ-же самый добрый человѣкъ, который далъ ему 500 р. Тотъ уговорилъ одну свою знакомую, очень добрую и образованную, по имени Валерія, взять къ себѣ въ горничныя несчастную дѣвушку; черезъ нѣсколько дней римлянка дѣйствительно купила ее за четыре тысячи пятьсотъ рублей.

Хотя такой исходъ и не вполне удовлетворилъ Спартакъ, который желалъ-бы видѣть свою сестру вполне свободною, но онъ понималъ, что пока лучшаго онъ не могъ ожидать, и отнынѣ сестра его все-же избавлена, и вѣроятно навсегда, отъ той ужасной жизни, какую ей приходилось вести у своего хозяина-сводника.

Успокоившись насчетъ Мирцы, Спартакъ весь отдался какому-то таинственному и чрезвычайно важному дѣлу. Онъ безпрестанно бывалъ у своихъ товарищей и подолгу разговаривалъ съ ними. Каждый день его можно было встрѣтить въ разныхъ гладіаторскихъ школахъ Рима, въ трактирахъ, ночлежныхъ домахъ и всѣхъ притонахъ, гдѣ обыкновенно собирались рабы и гладіаторы.

Что-же онъ замышлялъ? Къ чему готовился? Это мы узнаемъ въ послѣдующихъ главахъ нашего разсказа.

V.

Между тѣмъ Мирца поселилась въ домъ своей госпожи. Мирца была хороша собой, образована, умѣла говорить по-гречески и знала толкъ въ нарядахъ. Поэтому она сдѣлалась любимицей Валеріи и жила совершенно отдѣльно отъ прочей прислуги.

Выбравъ время, Спартакъ пошелъ навѣстить свою сестру. Завидѣвъ брата, Мирца подбѣжала къ нему и нѣжно его поцѣловала. Затѣмъ она стала рассказывать про свою новую жизнь, и съ большой похвалой отзывалась о Валеріи, которая была очень добра къ ней.

— „А знаешь, Спартакъ,“ сказала она между прочимъ, „Валерія очень часто спрашиваетъ про тебя, какъ ты живешь, есть-ли у тебя средства къ существованію, и предлагаетъ тебѣ мѣсто. Въдь у ея мужа есть гладіаторская школа въ Капуѣ, такъ можетъ быть ты согласишься поступить туда учителемъ фехтованія?“

— Но если я соглашусь сдѣлаться учителемъ въ его гладіаторской школѣ, то потребуетъ-ли ея мужъ, Сулла, чтобы я снова продалъ себя въ

рабство, или позволить мнѣ остаться свободнымъ? спросилъ Спартакъ съ волненіемъ.

— Она ничего не сказала мнѣ объ этомъ, отвѣчала Мирца, но она настолько добра, что вѣроятно устроить дѣло такимъ образомъ, что ты останешься свободнымъ.— Впрочемъ, подожди меня здѣсь, сказала она,—я пойду спрошу свою госпожу. И съ легкостью птички Мирца выпорхнула изъ комнаты.

Спартакъ остался одинъ; рой мыслей толпился въ его головѣ. „Неужели мнѣ удастся получить это мѣсто, о которомъ я мечтаю уже такъ давно, но на которое и не смѣлъ рассчитывать?, думалъ онъ. „Тамъ, тамъ среди десяти тысячъ товарищей по несчастью, тамъ мое мѣсто; тамъ мало-по-малу по одиночкѣ, переговорю я со всѣми и каждому волю въ душу вѣру, горящую въ моей груди; оттуда въ назначенный день, по данному знаку, выступить армія въ десять тысячъ рабовъ, которые, разбивъ свои цѣпи, выкуютъ изъ нихъ непобѣдимые мечи... Наконецъ-то, наконецъ-то!...“

Спартакъ до того былъ занятъ своими мыслями, что даже не замѣтилъ прихода своей сестры, которая принесла отвѣтъ, что дѣло это уладилось, и что въ самомъ скоромъ времени онъ долженъ уѣхать въ Капую и начать тамъ занятія съ гладіаторами.

Приближался день отъѣзда. Въ знакомой уже намъ харчевнѣ „Венеры Погребальной“ собралось человѣкъ двадцать гладіаторовъ. На столѣ не было

недостатка ни въ жаренной свининѣ, ни въ сальникахъ, ни въ добромъ винѣ. На первомъ мѣстѣ сидѣлъ гладіаторъ Окноманъ, германецъ родомъ, другъ Спартака, своей честностью и мужествомъ пріобрѣтшій любовь и уваженіе всѣхъ своихъ товарищей.

Гладіаторы сидѣли въ маленькой комнатѣ харчевни и могли разговаривать между собою тѣмъ свободнѣе, что въ сосѣдней комнатѣ было въ эту пору очень мало посѣтителей, да и тѣ приходили, чтобы наскоро выпить стаканъ вина и уйти по своимъ дѣламъ. Гладіаторы молча ѣли и только послѣ нѣкотораго времени одинъ изъ нихъ спросилъ.

— А „солнца“ *) все еще не видно?

— Все еще покрыто облаками—отвѣтилъ Окноманъ.

— Удивительно!—воскликнулъ одинъ.

— Непонятно!—пробормоталъ другой.

— А муравьи?**)—спросилъ третій, обращаясь къ Окноману.

— Множатся и трудятся въ ожиданіи лѣта. ***)

— Берись за весло, ****) сказалъ одинъ изъ гладіаторовъ, видя входящую трактирную служанку.

Когда служанка ушла, одинъ изъ гладіаторовъ

*) Условный языкъ заговорщиковъ: солнце—означало верховный вожь союза гладіаторовъ, то есть Спартакъ.

**) Муравьи означало—заговорщики.

***) Лѣто—возстаніе.

****) Кто-то идетъ, берегись.

сказалъ: „вѣдь мы теперь одни и можемъ говорить по-человѣчески, не путаясь въ этихъ проклятыхъ выдуманныхъ словахъ, которыхъ никакъ не упомнишь.“

— Такъ какъ-же? число нашихъ сторонниковъ растетъ. Силы увеличиваются. Когда-же, наконецъ, мы возстанемъ и покажемъ этимъ гордымъ римлянамъ, что мы тоже умѣемъ владѣть мечами не хуже ихъ, а то, пожалуй, даже лучше?

— Не нужно слишкомъ горячиться и торопиться, любезный другъ, сказалъ съ улыбкой молодой гладіаторъ по имени Криссъ. Наше общество увеличивается, число приверженцевъ нашего святого дѣла растетъ, и не позже какъ сегодня вечеромъ у насъ будетъ собраніе, на которомъ принесутъ присягу на вѣрность союзу сто испытанныхъ и надежныхъ гладіаторовъ.

— Что до меня,—сказалъ одинъ изъ заговорщиковъ, то я жду не дождусь, когда начнется возстаніе, не потому, чтобы такъ сильно вѣрилъ въ его успѣхъ, а потому, что мнѣ хочется помѣряться съ римлянами и отомстить имъ за смерть столькихъ тысячъ рабовъ, избитыхъ этими разбойниками.

— А если бы я не вѣрилъ въ успѣхъ возстанія, то никогда не присталъ бы къ союзу угнетенныхъ, сказалъ другой.

— Я присталъ потому, что все равно долженъ умереть въ циркѣ. Такъ лучше же мнѣ умереть

на полѣ битвы за освобожденіе своихъ братьевъ-рабовъ...

Въ это время въ комнату вошелъ Спартакъ и съ великою радостью въ голосѣ сообщилъ своимъ товарищамъ, что онъ на-дняхъ уѣзжаетъ въ Капую въ школу Суллы.

— Вѣдь тамъ 10 тысячъ гладіаторовъ, воскликнулъ онъ.— „Вотъ гдѣ мы можемъ увеличить число нашихъ приверженцевъ! Черезъ годъ всѣ десять тысячъ человѣкъ будутъ членами „союза угнетенныхъ“, и тогда... тогда, товарищи, мы побѣдно пройдемъ черезъ всю Италію и освободимъ наши родины отъ тягостнаго ига римлянъ!“

Прощавшись съ своими товарищами, Спартакъ ушелъ, а вслѣдъ за нимъ поочередно ушли и прочіе гладіаторы.

VI.

Уже два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ Спартакъ былъ учителемъ въ Капуѣ. За это время онъ ни разу не видался съ своими товарищами по заговору. Поэтому онъ рѣшилъ поѣхать въ Римъ, чтобы сообщить предводителямъ заговора, „верховному совѣту союза угнетенныхъ“, свѣдѣнія о положеніи ихъ общаго дѣла. Пріѣхавъ въ Римъ и повидавшись со своей сестрою, Спартакъ съ наступленіемъ вечера отправился въ священную рощу, находившуюся недалеко отъ города, куда должны были собраться и остальные гладіаторы. Онъ пришелъ первымъ и въ ожиданіи сталъ прохаживаться взадъ и впередъ, вдыхая полною грудью благоухающій ароматъ рощи.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ на концѣ аллеи показался Окноманъ, Спартакъ побѣждалъ къ нему на встрѣчу, и вскорѣ они заключили другъ друга въ объятія.

Поцѣловавшись два раза съ вновь прибывшимъ, Спартакъ спросилъ его:

— Ну, что новаго, Окноманъ?

— Новаго? Да все по старому отвѣчалъ гла-

діаторъ пріятнымъ, груднымъ голосомъ. Мы всѣ киснемъ, ничего не дѣлая, лежимъ на боку, томимся, бьемъ баклуши! Однимъ словомъ, любезный Спартакъ, мы ждемъ, не дождемся, когда, наконецъ, придетъ время размять руки и расправиться съ этими негодяями.

— Да замолчи, сумасшедшій! вскричалъ Спартакъ, клянусь всѣми твоими германскими богами, ты хочешь погубить все наше дѣло!

— Не погубить, а дать ему побѣду хочу я!

— Въ такомъ случаѣ нужно дѣйствовать осторожно и благоразумно, потому, что только такимъ образомъ достигнемъ мы своей цѣли,

— Достигнемъ, но когда-же? Вотъ что хотѣлъ бы я знать, потому что мнѣ было бы очень грустно, если бы все это случилось послѣ моей смерти.

— Подожди; пусть дѣло наше созрѣетъ.

63 88 — Послушай, гнилушки зрѣютъ, валяясь въ соломѣ, а такія ягоды, какъ наше возстаніе, знаешь, какъ созрѣваютъ? Вѣрь мнѣ, что тутъ первое дѣло—смѣлость, даже дерзость.

— Нужно только начать, а тамъ все пойдетъ само собой.

— О, что мнѣ съ тобой дѣлать! какъ мнѣ тебя урезонить? Послушай, сколько человѣкъ удалось тебѣ привлечь къ нашему союзу за послѣдніе два мѣсяца?

— Нѣсколько сотъ.

СПАРТАКЪ.

— Неужели тебѣ кажется, что этого достаточно, и съ такими силами можно начинать дѣло?

— Въ Капуѣ, гдѣ ты состоишь учителемъ, всѣ десять тысячъ человѣкъ пойдутъ за тобою, а разъ начнется возстаніе, рабы со всѣхъ сторонъ будутъ стекаться въ нашъ лагерь.

— Ты думаешь? Но, вѣдь, они не знаютъ, въ чемъ дѣло, чего мы хотимъ, что мы за люди, какими средствами къ осуществленію нашей задачи располагаемъ?

Оба друга нѣсколько минутъ молчали. Окноманъ смотрѣлъ на Спартакъ, не только ласково, но, можно бы сказать, нѣжно, если бы эти выраженія не звучали такъ странно въ примѣненіи къ суровому человѣку. Вдругъ онъ воскликнулъ:

— А знаешь ли, Спартакъ, съ тѣхъ поръ какъ ты устроилъ свою сестру, ты сталъ гораздо спокойнѣе и бодрѣе...

Но тутъ Окноманъ запнулся, потому что Спартакъ, поблѣднѣвъ какъ полотно, ударилъ себя ладонью по лбу и воскликнулъ: „О боги!.. Но что же будетъ съ нею?“

Несчастный гладіаторъ подъ вліяніемъ любви къ свободѣ и надежды на близкую и скорую побѣду, забывши на минуту весь міръ, вдругъ вспомнилъ про свою сестру и при этой мысли голова его склонилась на грудь, а сердце сжалось отъ мучительной тоски.

Онъ зналъ, что въ случаѣ неудачи, сестра его

останется въ рукахъ римлянъ, которые захотятъ выместить на ней злобу.

Въ душѣ гладіатора происходила жесточайшая внутренняя борьба, насколько можно было судить объ этомъ по высоко поднимающейся груди и судорожному подергиванію лица.

Окноманъ задумчиво и печально смотрѣлъ на своего друга, скрестивъ на груди руки. Наконецъ, германецъ нарушилъ молчаніе и тихимъ голосомъ спросилъ:

— Такъ стало быть ты насъ покидаешь, Спартакъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда! воскликнулъ еракіецъ, вострепнувшись и устремивъ на Окномана свои голубые глаза, въ которыхъ сверкали слезы; нѣтъ, покину скорѣй сестру, покину... все, все, только не дѣло угнетенныхъ, обездоленныхъ, дѣло рабовъ! Никогда! никогда!..

Съ этими словами онъ взялъ своего друга за руку и повелъ его къ тому мѣсту, гдѣ уже давно ихъ ожидали товарищи по заговору.

Обмѣнявшись рукопожатіями, гладіаторы со всѣхъ сторонъ окружили своего любимца и ждали его слова.

Спартакъ выпрямился во весь свой ростъ и произнесъ:

— Братья! Положеніе наше въ Италіи всѣмъ вамъ хорошо извѣстно. Насъ всѣхъ ждетъ смерть въ циркахъ, такъ лучше же умереть за нашу собственную свободу, чѣмъ для забавы нашихъ вра-

говъ. Эти свирѣпые звѣри въ образѣ человѣческомъ жаждутъ крови, такъ пусть же они сами разрѣжутъ намъ жилы своими мечами, и тогда мы имъ покажемъ, что и у нихъ такая же кровь, какъ и у насъ, что они такъ же смертны, какъ и мы!

Громкій гулъ одобреній былъ отвѣтомъ на эти слова и долго не умолкалъ въ ночной тишинѣ.

— Можемъ ли мы, наконецъ, надѣяться, что послѣ четырехъ лѣтъ упорной, опасной, тайной работы, для насъ настала часъ мести, спросилъ одинъ изъ заговорщиковъ.

— Да! отвѣчалъ Спартакъ. „Товарищъ мой Арфриксъ ѣдетъ завтра въ Равену и скажетъ Градику, чтобы онъ держалъ наготовѣ своихъ 5200 гладіаторовъ, которые составятъ первый легіонъ нашей арміи. Второй составитъ изъ 5700 членовъ нашего союза, находящихся въ Римѣ. Ими будешь командовать ты, Криссъ. Третьимъ и четвертымъ будемъ командовать мы съ Окноманомъ; они составятся изъ десяти тысячъ гладіаторовъ въ Капуѣ.

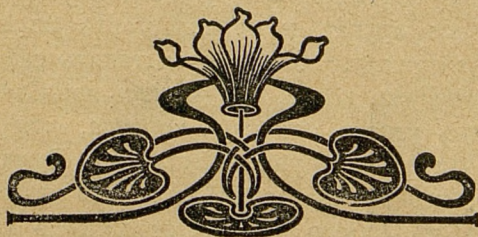
— Двадцать тысячъ гладіаторовъ въ полѣ! вскричалъ съ дикой радостью Окноманъ.—Двадцать тысячъ... отлично, отлично!.. Клянусь богами ада, мы увидимъ, какая кровь у этихъ надменныхъ римлянъ!..

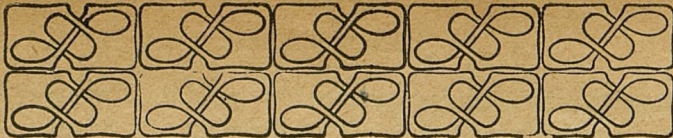
— Теперь, когда мы уже до всего договорились, сказалъ Спартакъ, заклиная васъ святымъ дѣломъ, для котораго мы собрались, будьте осторожны и благоразумны. Не рискуйте разрушить въ одно мгновеніе дѣло, которое стоило намъ че-

тырехъ лѣтъ самыхъ ужасныхъ усилій. Всякая несвоевременная вспышка была бы непростительнымъ преступленіемъ. Мы съ Окноманомъ первые поднимемъ знамя возстанія и постараемся неожиданнымъ нападеніемъ ошеломить римлянъ, тогда собирайтесь и вы въ Римъ и Равеннѣ и идите къ намъ. До тѣмъ поръ, пока не поднимется Капуя, притворство и спокойствіе должны, какъ и прежде, царствовать между вами.

Послѣ этой рѣчи начался оживленный разговоръ, въ которомъ приняли участіе почти всѣ присутствовавшіе.

Распроставшись, гладіаторы стали выходить изъ рощи по разнымъ направленіямъ по два человѣка, чтобы не обратить на себя вниманіе прохожихъ.

VII.

Въ эту самую ночь, когда проиеходило собраніе въ Священной рощѣ, надъ головами гладіаторовъ разразилось несчастіе, которое чуть не погубило все ихъ дѣло. Какъ ни осторожны повидимому были заговорщики, однако до свѣдѣнія консула дошло извѣстіе о готовящемся въ Капуѣ возстаніи, и онъ сейчасъ же сообщилъ объ этомъ сенату. Сенатъ рѣшилъ послать гонцовъ къ начальнику города Капуи съ приказаніемъ немедленно окружить войсками школу гладіаторовъ, взять оттуда все оружіе и не выпускать никого изъ рабовъ на улицу. Можно представить себѣ положеніе Спартака, когда, вернувшись изъ Священной рощи, онъ узналъ отъ раба консула, что за часъ передъ этимъ гонцы уже выѣхали изъ Рима. Единственно, чго оставалось дѣлать, это постараться пріѣхать въ Капую раньше сенатскихъ гонцовъ, предупредить товарищей и взяться за оружіе. Приходилось дорожить каждою минутою. Спартакъ съ Окноманомъ немедленно рѣшились выйти изъ города пѣшкомъ, такъ какъ ѣхать по шоссейной дорогѣ было опасно. Въ ближайшей деревнѣ они

купили пару лошадей и, пробираясь по окольнымъ дорогамъ и скача прямо черезъ поля тамъ, гдѣ дорога дѣлала изгибы, удлинявшіе путь римскихъ всадниковъ, имъ удалось выѣхать на главную дорогу впереди римскихъ гонцовъ.

И теперь, когда они считали себя у цѣли, когда думали, что имъ на цѣлый часъ удалось опередить гонцовъ сената, вдругъ на дорогѣ, на разстояніи пятнадцати верстъ отъ Капуи, лошадь Спартака упала, увлекая за собой всадника. При паденіи Спартакъ вывихнулъ себѣ лѣвую руку. Несмотря на страшную боль, онъ и виду не показывалъ, что такъ сильно страдаетъ. Онъ испытывалъ страшныя мученія отъ сознанія, что вмѣсто того, чтобы прибыть въ школу на полчаса раньше своихъ враговъ, онъ явится позже ихъ. Вставъ на ноги, и не мало не заботясь о своей вывихнутой рукѣ, Спартакъ тяжело вздохнулъ и воскликнулъ мрачнымъ, безнадежнымъ голосомъ:

„Все кончено!..“

Между тѣмъ Окноманъ, спрыгнувъ съ лошади, поспѣшно приблизился къ Спартаку и, ощупывая его руку, сказалъ:

— Какъ?.. что ты говоришь?.. Развѣ можетъ быть все кончено, пока руки твои не скованы цѣпями, и ты можешь свободно владѣть мечемъ?

Спартакъ стоялъ нѣкоторое время молча; потомъ, взглянувъ на лошадь Окномана, сказалъ:

— Пятнадцать верстъ!.. Намъ остается проѣхать только пятнадцать верстъ, и, да прокляты будутъ

враждебные намъ боги, мы должны отказаться отъ надежды прїѣхать во время! Если бы твой конь могъ провести насъ обоихъ восемь или десять верстъ, то остальные мы быстро пробѣжали бы пѣшкомъ и, можетъ быть все-таки поспѣли-бы.

Но осмотрѣвши внимательно лошадь, видя ея полное безсиліе и тяжелое дыханіе, они скоро убѣдились въ томъ, что она не провезетъ ихъ обоихъ и двухъ верстъ, а потому они рѣшили бросить ее и поспѣшить въ Капую пѣшкомъ.

Трудно описать, съ какимъ безпокойствіемъ пустились въ путь эти два человѣка, усталые, измученные, почти ничего не ѣвшіе нѣсколько дней. Они шли молча, угрюмо, съ блѣдными, измѣнившимися лицами, облитые потомъ и съ такою невѣроятною быстротою, что менѣе, чѣмъ въ полтора часа, подошли уже къ воротамъ города. Тутъ они на минуту остановились, чтобы перевести духъ и нѣсколько оправиться, для того, чтобы не обратиться на себя вниманія стражи, стоявшей у воротъ. Они боялись, что стража уже получила приказаніе слѣдить за всѣми входящими и арестовывать людей подозрительныхъ. Входя въ Капую, Спартакъ и Окноманъ приняли безпечный видъ и старались, насколько были въ силахъ, казаться людьми, шедшими издалека.

Но какъ при этомъ трепетно билось у нихъ сердце въ груди! Только холодныя капли пота, струившіяся по лбу, указывали на то безпокойство и мученіе, которыя они испытывали. Спартакъ

рѣшилъ въ случаѣ, если ихъ не пропустятъ, взяться за мечъ, пробиться черезъ стражу и броситься бѣжать къ школѣ гладіаторовъ. Онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, зная свою силу и силу товарища. Двѣнадцать старыхъ солдатъ, составлявшіе всю стражу не могли бы устоять противъ града ихъ быстрыхъ и тяжелыхъ ударовъ. Тѣмъ не менѣе это отчаянное средство было послѣднимъ, къ которому желалъ-бы прибѣгнуть еракіецъ, такъ что при приближеніи къ воротамъ его сердце, никогда не испытывавшее страха, такъ сильно билось, что онъ опасался, какъ-бы не лопнула какая-нибудь жила въ его груди.

Подойдя къ воротамъ, они увидѣли, что двое изъ стражниковъ спали, растянувшись на маленькихъ деревянныхъ скамьяхъ, трое другихъ, сидя на корточкахъ играли въ кости и, наконецъ, еще двое болтали другъ съ другомъ, подшучивая насчетъ прохожихъ, входившихъ и выходившихъ изъ города.

Когда Спартакъ съ Окноманомъ приблизились одинъ изъ стражниковъ сказалъ:—„А!.. клянусь Юпитеромъ, что эти два мошенника, блѣдные и худые, кажутся тѣнями, только что вышедшими изъ ада.“—„Хоть бы поскорѣй растерзали васъ дикіе звѣри!“—воскликнулъ другой стражникъ, проигравшійся въ кости, собираясь снова попытать счастье.

Гладіаторы подвигались впередъ скромно и молча; они прошли уже первую арку воротъ и

собирались выйти изъ подъ второй прямо въ городъ, какъ вдругъ имъ на встрѣчу появился изъ города отрядъ изъ тридцати солдатъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ. Остановившись у воротъ, начальникъ отряда скомандовалъ: „къ оружію!“

Солдаты поспѣшно выбѣжали изъ воротъ и, хотя всѣ успѣли выстроиться въ одно мгновеніе во фронтъ, однако, командиръ имѣлъ время убѣдиться въ безпорядкѣ, царствовавшемъ среди стражи.

Что касается Спартака и Окномана, то арестованные по знаку начальника, они сдѣлали нѣсколько шаговъ назадъ и обмѣнялись между собой быстрымъ взглядомъ, причемъ еракіецъ удержалъ правую руку германца, схватившагося было за мечъ.

— Такъ вы исполняете службу, мошенники? строго спросилъ командиръ, среди глубокаго молчанія, царствовавшаго теперь подъ арками воротъ.

— Такъ то вы сторожите, лѣнтяи?

— Гладіаторы угрожаютъ возмущеніемъ, необходимо запереть ворота, разставить часовыхъ и строго смотрѣть, какъ въ военное время, а вмѣсто этого вы занимаетесь игрой въ кости и лодырничаєте!

И обратившись къ Спартаку и Окноману, онъ спросилъ ихъ, нахмуривъ брови:

— Вы гладіаторы?

— Гладіаторы, твердымъ голосомъ отвѣтилъ Спартакъ, съ трудомъ скрывая свое внутреннее волненіе.

„Вы гладиаторы?“ (Стр. 42).

— Изъ гладіаторской школы само собою разумѣется?

— Ты ошибаешься, храбрый командиръ, возразилъ Спартакъ, въ глазахъ котораго блеснулъ лучъ надежды,—мы находимся въ услуженіи у коменданта города.

— Ты меня знаешь? спросилъ командиръ Спартака.

— Я видалъ тебя много разъ въ домѣ нашего господина.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ командиръ, пристально вглядываясь въ двухъ гладіаторовъ, громадный ростъ которыхъ легко можно было замѣтить, но при наступившей темнотѣ, трудно было разсмотрѣть лица,—въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется...

— Мы два германца, прислуживающіе всегда супругѣ нашего коменданта.

Спартакъ, прожившій долгое время въ Капуѣ, имѣлъ, конечно, самыя подробныя свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлалось въ городѣ, и отлично зналъ двухъ громаднаго роста гладіаторовъ—германцевъ которые находились въ услуженіи у коменданта.

— Дѣйствительно, — сказалъ командиръ,—ты правъ, и теперь я узнаю васъ.

И послѣ минутнаго молчанія, въ теченіе котораго два гладіатора не могли удержаться, чтобы не вздохнуть съ облегченіемъ, командиръ спросилъ Спартака:— „А откуда идете вы теперь?“

Спартакъ, послѣ минутнаго молчанія отвѣчалъ:

— Изъ дачи нашего господина, куда мы вчера провожали обозъ съ дорогими вещами.

— Хорошо, отвѣчалъ командиръ, затѣмъ, обратившись къ Спартаку и Окноману, онъ спросилъ.

— И вы ничего не знаете объ этомъ возстаніи, задуманномъ въ гладіаторской школѣ?

— Какъ же намъ знать объ этомъ?—отвѣчалъ Спартакъ голосомъ простодушнаго человѣка, который не можетъ говорить о томъ, чего не понимаетъ.

— Если-бы даже буйные и непокорные ученики этой школы и задумали какое-нибудь сумасбродство, они, конечно, не пришли бы говорить объ этомъ намъ, счастью которыхъ они завидуютъ. Намъ такъ хорошо у нашего добраго господина!..

Все это было такъ правдоподобно, и Спартакъ говорилъ такъ искренно, что командиръ повѣрилъ ему. Тѣмъ не менѣе черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Во всякомъ случаѣ, сегодня вечеромъ намъ угрожаетъ возмущеніе, хотя, что касается до меня, то мнѣ смѣшно, какъ подумаю объ этомъ; но, впрочемъ, какъ бы то ни было... на всякій случай я приказываю вамъ положить свои мечи... хотя къ вамъ и хорошо относится добрѣйшій вашъ господинъ и обращается съ вами лучше, чѣмъ слѣдовало-бы обращаться съ подобною сволочью. Давайте же мечи!.. Все же вы гладіаторы, способные на все... При этомъ приказаніи неосмотрительный и вспыльчивый Окноманъ едва не разрушилъ всѣ усилія Спартака и чуть не погубилъ обоихъ.

Германецъ яростно схватился за мечъ и обна-

жилъ было его, но Спартакъ вырвалъ у него клинокъ правой рукой и въ то же время, не безъ усилія и боли, вынулъ изъ ноженъ свой собственный мечъ и оба почтительно подалъ командиру. Въ то же время, чтобы помѣшать Окноману совершить какой-нибудь необдуманный поступокъ, онъ поспѣшилъ сказать:

— Нехорошо съ твоей стороны, что ты не довѣряешь намъ и, можетъ быть, за твое недовѣріе, нашъ господинъ не очень то будетъ благодаренъ тебѣ; во всякомъ случаѣ, вотъ тебѣ наши мечи и позволь намъ отправиться въ домъ нашего добраго господина.

— Въ своихъ поступкахъ, низкій гладіаторъ, я отдамъ отчетъ твоему господину; а теперь убирайтесь оба съ глазъ моихъ.

Спартакъ схватилъ правую руку дрожавшаго отъ гнѣва Окномана и, поклонившись командиру, вошелъ въ городъ въ сопровожденіи германца, ускоривъ шаги, насколько это было возможно чтобы не возбудить подозрѣнія. По мѣрѣ того, какъ два гладіатора подвигались впередъ, они стали примѣчать необычное движеніе и шумъ въ городѣ, и больше, чѣмъ когда-либо убѣдились, что дѣло ихъ близко къ гибели и что, несмотря на всѣ ихъ усилія, они слишкомъ поздно придутъ въ школу гладіаторовъ.

Тѣмъ не менѣе, свернувъ съ главной улицы, они бѣгомъ добѣжали до конца города, гдѣ находилась гладіаторская школа.

VIII.

Гладіаторская школа помѣщалась въ самой глухой части города. Отъ окружающихъ домиковъ она отдѣлялась крѣпкой стѣной, имѣвшей мѣстами четыре и даже пять сажень въ вышину. Внутри этой ограды было выстроено свыше десяти каменныхъ домовъ, назначенныхъ для гладіаторовъ. Въ каждомъ изъ нихъ находился залъ, въ которомъ гладіаторы обыкновенно упражнялись въ фехтованіи и гимнастикѣ, комнаты для жилья и складъ оружія. Но складъ этотъ запирался крѣпкой дубовой дверью съ желѣзными засовами и ключъ отъ него хранился у начальника школы.

Въ описываемый нами вечеръ почти всѣ гладіаторы оставались внутри школы, что было очень странно и необычайно; одни изъ нихъ въ фехтовальныхъ залахъ упражнялись въ фехтованіи, на деревянныхъ шпагахъ, единственномъ дозволенномъ имъ оружіи; другіе, разбросанные тамъ и сямъ на дворѣ, большими толпами занимались гимнастикой или же распѣвали таинственныя пѣсни, непонятныя надзирателямъ; многіе же, наконецъ,

толпились въ корридорахъ или же лежали на своихъ нарахъ.

Какъ ни старались эти несчастные придать себѣ безпечный видъ, все-таки взглянувъ вни-мательно въ ихъ лица, можно было понять, что они испытывали мучительное безпокойство и ужасно волновались въ ожиданіи какого-то серьезнаго происшествія.

— Что это гладіаторы сегодня не выходятъ на прогулку? спросилъ одинъ надзиратель—кривой, безрукій, старый солдатъ другого солдата, лицо котораго все было изрѣзано рубцами.

— А кто ихъ знаетъ! Они кажется, противъ обыкновенія, хотять провести сегодняшній вечеръ въ стѣнахъ школы.

— Скучный же это будетъ вечеръ для ихъ отвратительныхъ любовницъ, которыя напрасно будутъ ждать ихъ въ сосѣднемъ кабачкѣ!

— Клянусь Юпитеромъ, это что-то очень странно.

— Такъ странно, что откровенно говоря, я немного безпокоюсь.

— Какъ? развѣ ты боишься какого нибудь волненія?

— Нѣтъ... но говоря правду, не то, чтобы волненія, этого я отъ нихъ не жду, но какихъ-нибудь безпорядковъ... почему знать?

— Клянусь всѣми богами, у меня начинаютъ чесаться руки. И если...

Но тутъ солдатъ умолкъ, дѣлая знакъ товарищу,

чтобы и тотъ замолчалъ, такъ какъ въ эту минуту къ нимъ подошелъ директоръ школы.

При его приближеніи оба солдата почтительно поклонились ему; подойдя къ нимъ, начальникъ спросилъ:

— Не знаетъ ли кто изъ васъ, почему гладіаторы почти всѣ остались дома въ такое время, когда школа всегда пустѣетъ?

— Не знаю... проговорилъ одинъ изъ солдатъ.

— Это замѣтили и мы и также не менѣ тебя были удивлены, отвѣчалъ другой.

— Что же случилось? спросилъ директоръ, сдвигая брови, съ мрачнымъ и жесткимъ видомъ— можетъ быть они собираются выкинуть какую-нибудь штуку?

Никто изъ солдатъ не отвѣчалъ, но отвѣтъ ему несъ одинъ изъ его рабовъ, блѣдный, испуганный, ведя за собою гонца отъ коменданта, предупреждающаго его объ опасности, грозящей не только его школѣ, но и городу и, можетъ быть, всей Италіи.

При этомъ извѣстіи директоръ школы пришелъ въ страшное волненіе и, точно пораженный молніей, стоялъ не двигаясь и не говоря ни слова.

Опомнившись, онъ приказалъ вооружить 250 солдатъ и 250 рабовъ, находившихся въ службѣ при школѣ, но такъ, чтобы не дать замѣтить гладіаторамъ этихъ приготовленій. Вооружившись, имъ велѣно было всѣмъ спѣшить къ воротамъ, посредствомъ которыхъ школа сообщалась съ го-

Спартакъ.

родомъ и тамъ ждять дальнѣйшихъ приказаній. По мѣрѣ того, какъ собирались солдаты, онъ распредѣлялъ ихъ на маленькіе отряды и послалъ охранять склады оружія и ворота школы.

Вскорѣ къ нимъ на помощь пришли войска изъ города, посланные комендантомъ, и такимъ образомъ еще болѣе усилили охрану школы и оружія.

Пока шли всѣ эти приготовленія, между гладіаторами начало быстро распространяться волненіе; они толпились многочисленными группами во дворахъ, громко разговаривая между собой.

— Оружейные склады окружаетъ стража!..

— Мы преданы!..

— Они знаютъ все!..

— Мы погибли!..

— Хоть бы былъ здѣсь по крайней мѣрѣ Спартакъ!

— Ни онъ, ни Окноманъ не пришли, ихъ вѣрно распяли въ Римѣ!..

— Горе намъ!

— Да будутъ прокляты несправедливые боги!..

— Запирають ворота!..

— А у насъ, нѣтъ оружія!...

— Оружіе, Оружіе!..

Вскорѣ шумъ этихъ десяти тысячъ голосовъ, бѣшено кричавшихъ, такъ возросъ, что превратился въ какой-то гулъ, страшный, какъ рокотъ моря, волнуемаго бурей; только послѣ многихъ стараній тѣхъ, которыхъ Спартакъ предусмотрительно воз-

высилъ въ званіе начальниковъ гладіаторскихъ отрядовъ, гладіаторы стали успокаиваться и размѣщаться по своимъ мѣстамъ. Шумъ и гамъ утихли и въ школѣ водворился полный порядокъ.

Часть этихъ начальниковъ направилась въ фехтовальную залу, чтобы рѣшить, что предпринять для спасенія того святого дѣла, которому всѣ торжественно поклялись служить.

Все описанное нами происходило какъ разъ въ то самое время, когда Спартакъ и Окноманъ, послѣ столькихъ трудовъ и опасностей, приблизились, наконецъ, къ школѣ и остановились, увидавъ при свѣтѣ факеловъ блестящіе шлемы римскихъ солдатъ.

— Солдаты! сказалъ шепотомъ Окноманъ Спартаку.

— Да, отвѣчалъ Спартакъ, сердце котораго сжалось при этомъ открытіи.

— Значить слишкомъ поздно!... Школа окружена... Что же намъ дѣлать?

— Погоди!

И подумавъ немного, онъ сказалъ Окноману:

— Стой и молчи!

И съ чрезвычайною осторожностью, тихо, тихо пошелъ онъ впередъ по направленію къ тому мѣсту, гдѣ проходили передъ тѣмъ солдаты.

Сдѣлавъ шесть или семь шаговъ, еракіецъ остановился, и напрягая слухъ, услышалъ слабый шумъ; потомъ поднявъ ладонь правой руки къ глазамъ, онъ пристально началъ вглядываться въ

темноту и черезъ минуту могъ различать черную массу солдатъ, двигавшихся въ концѣ улицы.

— Они начали окружать школу; теперь отряды солдатъ идутъ другъ другу на встрѣчу съ обоихъ концовъ улицы. Мы, болѣе знакомые съ запутанными тропинками, придемъ десятию минутами раньше ихъ къ стѣнѣ, которая окружаетъ школу со стороны города. Здѣсь она имѣетъ 4 сажени высоты. Оттуда мы проникнемъ въ школу. Дѣйствительно, случилось такъ, какъ Спартакъ предвидѣлъ. Ни теряя ни минуты, онъ вмѣстѣ съ Окноманомъ, быстро перебираясь по темнымъ улицамъ, подошелъ къ школьной стѣнѣ какъ разъ къ тому мѣсту, о которомъ они только что говорили. Окноманъ, съ ловкостью, которой никакъ нельзя было предполагать въ его громадной фигурѣ, началъ карабкаться вверхъ, пользуясь неровностями, которыя представляли собою камни старой стѣны, и вскорѣ, достигнувъ до вершины, сѣлъ на нее верхомъ. Потомъ онъ началъ спускаться на другую сторону, что было гораздо труднѣе и опаснѣе.

Едва германецъ сталъ скрываться изъ виду Спартака, какъ послѣдній, ухватившись за край камня, выступавшаго изъ стѣны, началъ въ свою очередь влѣзать по этой неудобной лѣстницѣ; онъ вспомнилъ о вывихѣ своей руки только тогда, когда ему пришлось употребить ее въ дѣло; жестокая боль, которую онъ почувствовалъ, заставила его громко вскрикнуть и несчастный, не въ силахъ будучи держаться, упалъ навзничъ на землю.

— Что случилось, Спартакъ! спросилъ съ другой стороны стѣны сдержаннымъ шепотомъ Окноманъ, спрыгнувшій уже на землю.

— Ничего... отвѣчалъ еракіецъ, успѣвшій уже подняться, и, заглушивъ боль, причиняемую ему рукой, онъ сталъ снова взбираться по стѣнѣ.— Ничего... моя вывихнутая рука.

— Ахъ клянусь всѣми семью змѣями ада! воскликнулъ Окноманъ.— Ты правъ; мы не подумали объ этомъ.

— Подожди меня, я влѣзу опять на стѣну и помогу тебѣ.

И говоря это онъ уже началъ взбираться, когда услышалъ голосъ Спартака.

— Ничего... ничего... Говорю тебѣ, что ничего... не трогайся... черезъ минуту и я доберусь къ тебѣ,

И дѣйствительно, тутъ же Окноманъ увидѣлъ мужественную фигуру Спартака, и черезъ нѣсколько минутъ съ такой-же быстротой, какъ онъ сходилъ бы со ступеней удобной лѣстницы, еракіецъ уже спускался съ камня на камень и, наконецъ, спрыгнувъ на землю, подошелъ къ германцу.

Окноманъ поспѣшилъ къ нему и хотѣлъ было освѣдомиться о рукѣ, но удержался, пораженный смертельною блѣдностью лица и страшно расширенными, какъ-бы стеклянными зрачками товарища, дѣлавшими его скорѣе похожимъ на призракъ, чѣмъ на человѣка.

— Спартакъ, Спартакъ! воскликнулъ онъ шепотомъ и съ такой нѣжностью, которую трудно

было предположить въ немъ.—Спартакъ... тебѣ очень больно... больнѣе, чѣмъ способенъ вынести человѣкъ... Спартакъ, ты упадешь въ обморокъ... сядь здѣсь....

Говоря это, Окноманъ съ любовью сжалъ его въ своихъ рукахъ и старался усадить, прислонивъ спиною къ стѣнѣ.

Спартакъ, дѣйствительно, былъ въ обморокъ, происшедшемъ отъ жестокой боли, вызванной тѣми усилями, которыя пришлось ему дѣлать больной рукой. На его лицѣ, похожемъ скорѣе на лицо мертвеца, тамъ и сямъ виднѣлись капли холоднаго пота. Его страшно блѣдныя губы подергивались судорогой, и время отъ времени слабый стонъ вырывался изъ его крѣпко стиснутыхъ зубовъ. Едва Окноманъ успѣлъ прислонить его къ стѣнѣ, какъ голова Спартака упала на грудь.

Онъ казался мертвымъ.

Взволнованный германецъ, превратившійся теперь въ преданную сидѣлку, стоялъ нѣсколько минутъ, съ отчаяніемъ глядя на своего друга, не зная, что дѣлать, но, наконецъ, повидимому рѣшился на что-то. Съ величайшею осторожностью онъ взялъ лѣвую руку Спартака, тихо, тихо поднялъ и обнажилъ ее, засучивъ рукава плаща; видя что рука страшно налилась и опухла, онъ подумалъ, что теперь полезно было-бы сдѣлать перевязку. Затѣмъ онъ опустилъ руку еракійца и принялся отрывать лоскутъ отъ своего плаща.

Но толчекъ, испытанный Спартакомъ при паде-

ни руки на землю, причинилъ ему страшную боль, онъ застоналъ, пошевелинулся, тяжело открылъ глаза и мало по мало сталъ приходить въ себя. Боль лишила его чувствъ, боль-же возвратила ему сознание.

Едва очнувшись и собравъ свои мысли, Спартакъ быстро вскочилъ на ноги и воскликнулъ горькимъ насмѣшливымъ голосомъ:

— Браво, герой!.. Клянусь Юпитеромъ, Спартакъ превратился въ дрянную бабу! Наши братья умираютъ подъ ударами солдатъ, наше дѣло окончательно погибаетъ, а я падаю въ обморокъ!

Насилу Окноману удалось убѣдить его, что все вокругъ еще спокойно, что они придутъ еще во время, чтобы вооружить гладиаторовъ, что обморокъ его продолжался не болѣе двухъ минутъ и что, наконецъ, состояніе его руки было очень опасно.

Говоря это, германецъ туго забинтовалъ руку Спартака и потомъ при помощи повязки привязалъ ее къ груди. Окончивъ все это онъ произнесъ:

— Такъ ты будешь меньше страдать.

Спартаку-же достаточно одной правой руки, чтобы быть непобѣдимымъ.

— Только-бы удалось намъ добыть мечи! отвѣтилъ еракіецъ, быстро направляясь къ ближайшему дому школы.

На дворѣ безмолвно стояли двѣ когорты *) гладіаторовъ, которые скоро узнали приближающихся Спартака и Окномана; въ рядахъ слышались крики радости и надежды.

— Молчите! крикнулъ Спартакъ своимъ сильнымъ голосомъ.

— Молчите! повторилъ Окноманъ.

— Молчите и сохраняйте порядокъ! теперь не время неумѣстнымъ крикамъ, прибавилъ Спартакъ.

И когда водворилось глубокое молчаніе, онъ спросилъ:

— Гдѣ ваши начальники и совѣтники?

— Въ сосѣднемъ домѣ они держатъ совѣтъ, что предпринять, такъ какъ школа окружена римскими солдатами, и оружейные склады сильно охраняются.

— Я знаю это, отвѣтилъ Спартакъ и, обернувшись къ Окноману, прибавилъ: „Пойдемъ туда къ нимъ“.

Потомъ, обратившись къ тысячѣ гладіаторовъ, ссранныхъ во дворѣ, громко крикнулъ:

— Во имя всѣхъ боговъ неба и ада, я приказываю вамъ сохранять порядокъ и тишину.

Скоро вошли они въ залу, гдѣ при свѣтѣ нѣсколькихъ факеловъ засѣдали двѣсти главнѣйшихъ гладіаторовъ—члены главнѣйшаго совѣта „Союза угнетенныхъ“.

*) Когорта—600 человѣкъ.

— Спартакъ! воскликнули челоѣкъ тридцать, пораженные пріятною неожиданностью.

— Мы погибли! сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ Спартакъ, если намъ удастся завладѣть хоть однимъ складомъ оружія.

— Но успѣемъ ли мы въ этомъ?

— Мы не вооружены!

— И скоро уже римскіе солдаты атакуютъ насъ.

— И изрубятъ насъ на куски.

— Есть-ли у васъ факелы? спросилъ Спартакъ.

— Да есть, триста пятьдесятъ или четыреста.

— Вотъ наше оружіе! воскликнулъ Спартакъ, глаза котораго заблестали радостью. Черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Изъ всѣхъ десяти тысячъ гладіаторовъ, находящихся въ этой школѣ, вы, безъ сомнѣнія, самые храбрые и сильные. Вы должны доказать сегодня, что товарищи ваши, выбравъ васъ себѣ въ начальники, дѣйствительно, не ошиблись. Готовы-ли вы на все?

— Готовы, твердо отвѣтили, какъ одинъ челоѣкъ, всѣ двѣсти гладіаторовъ.

— Будете даже сражаться безоружными противъ вооруженныхъ?

— Будемъ, воскликнули еще съ большимъ жаромъ гладіаторы.

— Ну такъ... давайте факелы! Зажжемъ ихъ и бросимся съ ними на стражу ближайшаго оружейнаго склада, прогонимъ ее, сожжемъ дверь, и у

насъ будетъ столько оружія, сколько нужно для того, чтобы одержать вѣрную и полную побѣду. Нѣтъ, не все еще потеряно, пока въ насъ есть вѣра и рѣшимость побѣдить или умереть.

Блѣдное лицо отважнаго еракійца озарилось въ эту минуту какимъ то особеннымъ свѣтомъ. Глаза его блеснули, и все существо дышало воодушевленіемъ; вѣра, воспламенившая этого человека, обезсиленнаго, усталаго и измученнаго, быстро сообщилась двумъ стамъ гладіаторамъ, сошедшимся въ этой залѣ.

Всѣ, какъ одинъ человекъ, поспѣшили за факелами, которые, благодаря совѣту Спартака, ранѣе были заготовлены и хранились въ различныхъ помѣщеніяхъ школы.

Пока начальники совѣщались, гладіаторы, волнуемые страхомъ и надеждой, продолжали молча стоять на дворѣ, ожидая результатовъ совѣщанія.

Но и римляне не теряли даромъ времени. Они успѣли уже окружить сильной стражей всѣ склады оружія, занять всѣ выходы изъ школы, и теперь комендантъ готовился повести оставшихся въ его распоряженіи 500 человекъ солдатъ прекрасно вооруженныхъ прямо на гладіаторовъ и заставить ихъ разойтись. Въ ту минуту, когда Спартакъ, Окноманъ и его товарищи готовы были ворваться въ корридоръ, куда выходила дверь оружейнаго склада, въ тишинѣ ночи раздался звукъ трубъ, и когда водворилось молчаніе, общественный глашатай объявилъ, что если гладіаторы послѣ третьяго

трубнаго призыва не разойдутся, то солдаты разгонять ихъ силой.

Спартакъ нѣсколько времени оставался неподвижнымъ, съ сосредоточеннымъ, страшнымъ лицомъ, и съ опущенными въ землю глазами, какъ чловѣкъ, который совѣтуется самъ съ собой. Наконецъ, онъ обратился къ своимъ товарищамъ и сказалъ:

— Если намъ удастся захватить хоть одинъ оружейный складъ, намъ хватить найденныхъ тамъ мечей, чтобы овладѣть и остальными складами школы и мы побѣдимъ. Если же это не удастся, намъ остается только одно средство, чтобы спасти наше дѣло. Пусть часть командировъ возвратятся къ нашимъ товарищамъ, ожидающимъ на дворѣ и если черезъ четверть часа они не услышатъ нашей пѣсни, то должны приказывать всѣмъ молча разойтись по мѣстамъ: это будетъ знакомъ, что мы не могли овладѣть оружіемъ. Мы же въ такомъ случаѣ постараемся какъ нибудь вырваться изъ школы, и проникнувъ въ ближайшій трактиръ, вооружимся чѣмъ попало, преодолѣемъ всѣ опасности и въ числѣ ста-ли, шестидесяти-ли, тридцати-ли, однимъ словомъ всѣ, кто останется въ живыхъ, сойдемся на горѣ Везувій и тамъ поднимемъ знамя возстанія. Туда же самымъ ближайшимъ путемъ, вооруженные или безоружные, толпами или въ одиночку, пусть приходятъ всѣ наши братья; оттуда начнется война угнетенныхъ противъ притѣснителей! А теперь... впередъ!..

И, вмѣстѣ съ Окноманомъ, первый вошелъ онъ въ корридоръ. Въ одно мгновеніе бросился онъ на солдатъ, начальникъ которыхъ, старый и раненый однорукій воинъ въ ожиданіи нападенія кричалъ: „Впередъ! впередъ же... мерзкіе гладіаторы! вперр...“ Но онъ не успѣлъ окончить, такъ какъ Спартакъ протянулъ во всю длину свою руку, вооруженную громаднымъ, горящимъ факеломъ, нанесъ ему ударъ прямо въ ротъ.

Старый воинъ заревѣлъ и отшатнулся.

Спартакъ и Окноманъ бились, какъ голодные тигры вмѣстѣ съ двумя другими товарищами, такъ какъ въ узкомъ корридорѣ нельзя было сражаться болѣе, чѣмъ четыремъ въ рядъ.

Вскорѣ они прогнали солдатъ отъ дверей. Сотня гладіаторовъ, вооруженныхъ факелами протѣснилась мало-по-малу въ сѣни и начала убивать солдатъ, изъ которыхъ многіе обезоруженные и ослѣпленные, спѣшили спастись бѣгствомъ. Другая же часть гладіаторовъ складывала факелы возлѣ двери оружейнаго склада, чтобы сжечь ее и, такимъ образомъ, проникнуть внутрь.

Между тѣмъ комендантъ, приказавъ три раза протрубить и видя, что гладіаторы не расходятся по своимъ комнатамъ, приказалъ солдатамъ броситься на безоружныхъ.

То была страшная минута: воздухъ огласился криками, проклятiями и стономъ; гладіаторы приди въ смятеніе отъ тяжелаго града ударовъ, обрушив-

Старый воинъ заревѣлъ и отшатнулся. (Стр. 60).

шихся на нихъ, начали отступать къ различнымъ выходамъ двора, крича въ изступленіи:

— Оружія... оружія!.. Оружія!..

Но удары мечей продолжали ихъ поражать, и вскорѣ отступление гладіаторовъ превратилось въ бѣгство и общее смятеніе.

Разогнавъ такимъ образомъ гладіаторовъ, комендантъ со своимъ войскомъ пошелъ къ оружейному магазину, дверь котораго начала уже загораться. Видя, что мечи бесполезны противъ факеловъ, съ которыми выступали гладіаторы, онъ приказалъ солдатамъ пустить въ дѣло копья.

Товарищи Спартака принуждены были отступить, но такъ какъ они были людьми болѣе храбрыми и опытными, то отступление ихъ происходило въ порядкѣ. Обороняясь противъ римлянъ факелами, они вынимали копья изъ тѣлъ убитыхъ и раненыхъ и съ необыкновеннымъ искусствомъ пускали ихъ въ дѣло.

Выйдя изъ корридора, Спартакъ увидѣлъ на дворѣ безпорядочное бѣгство гладіаторовъ и по отчаяннымъ крикамъ и стонамъ понялъ, что теперь здѣсь все потеряно и что остается одинъ только путь къ спасенію,—прорваться изъ школы и бѣжать къ горѣ Везувію.

И онъ закричалъ громкимъ голосомъ:

— У кого есть мечи,—оставайтесь здѣсь и защищайте какъ можно дольше этотъ выходъ отъ солдатъ!

Тѣ немногіе гладіаторы, которымъ удалось во

время схватки отнять мечи у римлянъ, столпились возлѣ корридора и отчаянно защищали его.

— Слѣдуйте за мной: крикнулъ Спартакъ, остальнымъ гладіаторамъ, высоко размахивая факеломъ.

И, вмѣстѣ съ Окноманомъ, быстрыми шагами направился къ тому мѣсту стѣны, гдѣ узкая дверь, неизвѣстно сколько лѣтъ стоявшая запертой и заваленной, представлялась тсперь гладіаторамъ единственнымъ выходомъ.

Но чтобы сжечь эту дверь потребовалось бы полчаса, а въ это время солдаты могли завладѣть корридоромъ, и, такимъ образомъ, подойти къ стѣнѣ; разбить ее также невозможно было за немѣніемъ топоровъ или молотовъ. Что же предпринять? Какъ поскорѣе открыть этотъ выходъ? Въ это время Окноманъ замѣтилъ мраморную колонну и крикнулъ, обращаясь къ товарищамъ: „Выходи впередъ самый сильный!“

Нѣсколько гладіаторовъ вышли впередъ.

Выбравъ одного изъ нихъ, такого же громаднаго роста, какъ и онъ самъ, Окноманъ сказалъ, указывая на колонну:

— Возьми-ка, посмотримъ какова твоя сила, и самъ схватилъ колонну съ другой стороны.

Поднявъ и раскачавъ безъ особенныхъ усилій эту громадную каменную массу, они всей силой ударили ею въ дверь, которая затрещала и упала на землю, разлетѣвшись на куски.

Загасивъ свои факелы, гладіаторы пошли вслѣдъ

за Спартакомъ черезъ эту узкую дверь и очутились на улицѣ.

Очень тихо и осторожно подошли они къ ближайшему трактиру, хозяинъ котораго вышелъ имъ на встрѣчу.

— Ну что?... Каковы новости?... Какъ идетъ сраженіе? спросилъ онъ.

Но Спартакъ коротко обрѣзалъ эти вопросы, сказавъ:

— Дай намъ все оружіе, сколько у тебя найдется, а также и какіе-нибудь инструменты, которые въ рукахъ отчаянныхъ людей могутъ сдѣлаться смертоносными.

Сказавъ это онъ подбѣжалъ къ камину и схватилъ вертелъ, а Окноманъ стащилъ багоръ, висѣвшій на стѣнѣ, и набравъ цѣлую охапку рога-тинъ, вилъ, ножей и косъ, они вышли изъ кабака и стали раздавать это оружіе товарищамъ.

Вооружившись, Спартакъ двинулся первый, а за нимъ и другіе по направленію къ той улицѣ, гдѣ стояли римскіе солдаты.

Часовые еще не успѣли крикнуть тревогу, какъ гладіаторы бросились съ яростью дикихъ звѣрей на римлянъ, нанося имъ отчаянные удары, опрокидывая, рани и убивая ихъ.

То была стычка, продолжавшаяся нѣсколько минутъ, но въ теченіе этого времени гладіаторы съ такою силою и отчаяніемъ нападали на своихъ враговъ, что тѣ обратились въ бѣгство.

Спартакъ подумалъ немного и сказалъ:

— Теперь необходимо половинѣ изъ насъ остаться здѣсь, чтобы на полчаса задержать могущихъ подоспѣть римскихъ солдатъ и дать время другой половинѣ перебраться черезъ городскую стѣну.

— Я останусь! воскликнулъ Окноманъ.

— Нѣтъ, ты поведешь нашихъ на Везувій, а я останусь здѣсь.

— Этого никогда не будетъ. Если я умру, ты можешь продолжать войну, а умрешь ты, все погибнетъ.

— Бѣги, бѣги ты, Спартакъ! воскликнуло нѣсколько голосовъ.—Мы останемся здѣсь съ Окноманомъ.

На рѣсницахъ Спартакъ показали слезы; при видѣ этой благородной любви и привязанности, онъ протянулъ руку германцу и сказалъ:

— Прощай!... Жду васъ на Везувіи!...

IX.

Спустя два часа Спартакъ со своимъ отрядомъ былъ уже за городомъ и подходилъ къ имѣнію одного богатаго римлянина. На его звонокъ къ калиткѣ вышелъ старый грекъ, бормоча съ просонокъ: „Пусть Юпитеръ накажетъ наглеца, который смѣетъ возвращаться такъ поздно. Завтра же безъ всякой жалости доложу объ этомъ управляющему“.

— Боги да будутъ милосердны къ тебѣ и да помогутъ во всѣхъ твоихъ дѣлахъ! отвѣтилъ тоже по гречески Спартакъ.

— Мы гладіаторы, греки, рабы, какъ и ты и вышли изъ Капуи, чтобы провозгласить всеобщую свободу. Отвори сію же минуту и не заставляй насъ прибѣгнуть къ силѣ, не то тебѣ же будетъ худо.

Раскрывъ ротъ и вытаращивъ глаза, рабъ остановился въ оцѣпененіи и походилъ скорѣе на тѣнь, чѣмъ на живого человѣка.

— Отворишь-ли ты, наконецъ, намъ, трусливый старикашка, не то я сейчасъ же прикажу выломить ворота.

Дѣлать было нечего. Старикъ повиновался. Лишь только гладіаторы вошли во дворъ, Спартакъ приказалъ запереть ворота и приставить къ нимъ своихъ часовыхъ. Затѣмъ онъ просилъ позвать

къ себѣ управляющаго и успокоивъ его, что ни ему, ни имуществу его хозяина не будетъ сдѣлано никакого вреда, просилъ его добровольно снабдить отрядъ жизненными припасами.

Тотчасъ же гладіаторамъ было принесено изъ кладовыхъ вино и пища. По приказанію Спартака, каждый изъ нихъ взялъ съ собой припасовъ на три дня. Самъ Спартакъ почти ничего не ѣлъ, хотя болѣе сутокъ не принималъ пищи и не отдыхалъ ни на минуту.

Въ томъ же имѣніи между рабами нашелся врачъ грекъ, который обязанъ былъ лѣчить рабовъ, а также и господина, когда онъ пріѣзжалъ въ имѣніе. Докторъ внимательно осмотрѣлъ руку Спартака и, вправивъ вывихнутую кость, обложилъ руку дощечками, забинтовалъ и наложилъ перевязь. Затѣмъ онъ объявилъ, что Спартаку необходимо отдохнуть, такъ какъ въ противномъ случаѣ ему грозитъ воспаленіе, потому что уже теперь онъ страдаетъ лихорадкой, причиненной усталостью и тревогами послѣднихъ дней.

Отдавши самыя точныя распоряженія, Спартакъ легъ въ удобную постель и проспалъ до утра.

Когда онъ всталъ, освѣженный и укрѣпленный сномъ, солнце освѣщало уже своими яркими лучами прелестную дачу и окрестные холмы, окружавшіе ее со всѣхъ сторонъ.

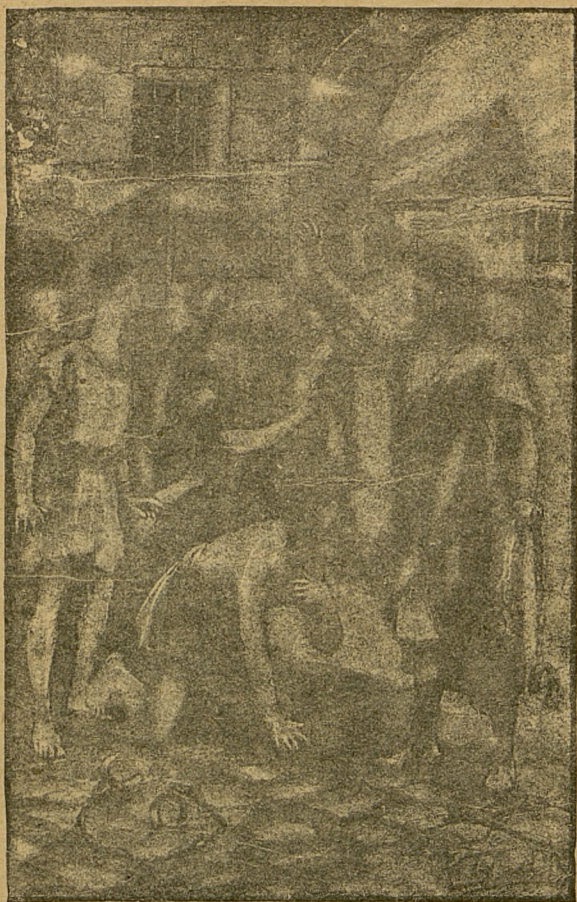
Выйдя на дворъ, онъ собралъ передъ домомъ всѣхъ рабовъ, прислуживавшихъ тамошнему владѣльцу и направился въ тюрьму, находившуюся

при всякомъ римскомъ имѣніи. Туда сажали всѣхъ провинившихся рабовъ, работавшихъ обыкновенно въ желѣзныхъ цѣпяхъ. Выпустивъ изъ тюрьмы около 20 несчастныхъ узниковъ и снявъ съ нихъ цѣпи онъ вернулся съ ними къ прочимъ рабамъ и здѣсь въ горячей, сильной рѣчи объяснилъ имъ причину своего похода и цѣль, достиженію которой они посвятили всю свою жизнь.

— Кто изъ васъ желаетъ сдѣлаться свободнымъ,—такъ закончилъ онъ свою рѣчь,—кто предпочитаетъ жалкому существованію, на которое обреченъ, почетную смерть, съ мечомъ въ рукѣ на полѣ битвы, за ту же свободу, кто чувствуетъ себя достаточно смѣлымъ, чтобы каждую минуту рисковать своей головой и достаточно твердымъ, чтобы переносить всѣ тягости и трудности войны противъ владыкъ міра, — тотъ пусть возьметъ въ руки первое попавшееся оружіе и слѣдуетъ за нами!...

Эта рѣчь произвела глубокое впечатлѣніе на души этихъ несчастныхъ, униженныхъ рабовъ. Среди восторженныхъ криковъ и слезъ радости восемьдесятъ слишкомъ человѣкъ схватили топоры, вилы, косы и трезубцы и принесли присягу, связывавшую между собою всѣхъ членовъ „Союза угнетенныхъ“.

Выстроивъ свой маленькій отрядъ, Спартакъ сдѣлалъ ему смотръ, причемъ оказалось, что вмѣстѣ съ вновь приставшими у него было уже около 150 человѣкъ.

„Кто изъ васъ желаетъ сдѣлаться свободнымъ?" (Стр. 68).

Въ десять часовъ утра отрядъ гладіаторовъ двинулся далѣе и послѣ восьмичасового перехода подошелъ къ окрестностямъ Неаполя, гдѣ по приказанію Спартакъ остановился на хуторѣ одного богатаго римлянина. Здѣсь повторилось то же, что и на предыдущей дачѣ.

Отдохнувши, онъ двинулся въ путь въ сопровожденіи новыхъ пятидесяти рабовъ и гладіаторовъ.

Всю ночь отрядъ шелъ впередъ, избѣгая большихъ дорогъ, пробираясь по тропинкамъ, среди полей и виноградниковъ. Во всѣхъ попадавшихся на пути имѣніяхъ и хуторахъ Спартакъ останавливался, чтобы призвать къ возстанію рабовъ и забрать находившееся тамъ оружіе.

Такъ подошли они къ подножію горы Везувія.

Остановившись здѣсь, Спартакъ сталъ пристально смотрѣть вверхъ, чтобы убѣдиться, доходитъ ли до самой вершины горы тропинка, по которой они шли до сихъ поръ. Но густой кустарникъ, становившійся все гуще и гуще по мѣрѣ приближенія къ вершинѣ горы, совершенно мѣшалъ ему разсмотрѣть вьющуюся тропинку. Поэтому, подумавъ, Спартакъ рѣшилъ послать для осмотра дороги нѣсколько ловкихъ гладіаторовъ. Самъ же онъ съ большинствомъ отряда сталъ обходить окрестные дворцы и дачи, освобождая повсюду рабовъ и собирая оружіе.

Семьдесятъ человѣкъ остались на мѣстѣ, куда должны были явиться къ полудню всѣ остальные гладіаторы.

Все произошло, какъ было сказано вождемъ возставшихъ рабовъ.

Спустившись съ вершины горы, развѣдчики застали уже на условленномъ мѣстѣ Спартакъ, успѣвшаго за это время набрать еще двѣсти рабовъ.

Теперь у него было уже пятьсотъ человѣкъ, изъ которыхъ онъ составилъ пять отрядовъ, въ каждомъ по сотнѣ. Первая сотня, состоявшая изъ самыхъ молодыхъ и сильныхъ гладіаторовъ, умѣвшихъ хорошо владѣть оружіемъ, была вооружена самымъ лучшимъ образомъ мечами и копьями. Каждая сотня раздѣлялась на десятки. Начальники надъ ними, сотники и десятники, были выбраны Спартакомъ изъ гладіаторовъ, бѣжавшихъ съ нимъ изъ Капуи, такъ какъ онъ съ давняго времени зналъ ихъ и потому вполне имъ довѣрялъ.

По словамъ развѣдчиковъ оказалось, что дорога на гору очень крута и что ближе къ вершинѣ она совсѣмъ исчезаетъ, и подъемъ становится чрезвычайно крутымъ и труднымъ.

— Наконецъ-то, — воскликнулъ Спартакъ, — послѣ столькихъ неудачъ боги начинаютъ намъ покровительствовать! — Тамъ, на этихъ вершинахъ, гдѣ орлы выютъ гнѣзда и гдѣ звѣри прячутся отъ преслѣдованій челоуѣка, тамъ водрузимъ мы знамя свободы.— Тамъ будемъ мы стоять лагерьмъ, пока не соберутся къ намъ наши друзья. Лучшаго мѣста не могла дать намъ судьба. Въ походы!

Тѣмъ временемъ, какъ гладіаторы подымались вверхъ по дорогѣ къ Везувію, Спартакъ подозвалъ къ себѣ девять надежныхъ товарищей и, снабдивъ ихъ деньгами, приказалъ идти разными дорогами: тремъ въ Римъ, тремъ въ Равенну, тремъ въ Капую, чтобы передать товарищамъ, находящимся въ этихъ городахъ, что Спартакъ съ пятью стами воиновъ стоитъ лагеремъ на Везувіи и зоветъ всѣхъ идти къ нему какъ можно скорѣе, чтобы вмѣстѣ бороться за свободу.

Послѣ двухъ часовъ тяжелого подъема отрядъ достигъ обширной поляны. Здѣсь Спартакъ приказалъ остановиться, и пока его воины отдыхали, онъ обошелъ кругомъ эту поляну и рѣшилъ, что ее можно избрать для разбивки лагеря.

И дѣйствительно, трудно было найти болѣе удобное мѣсто. Съ одной стороны поляна примыкала къ ряду высокихъ неприступныхъ утесовъ; съ другой былъ крутой обрывъ, по которому не могли бы подняться не только люди, но и дикія козы.

Такимъ образомъ они могли ожидать нападенія только съ той узкой тропинки, по которой они сами поднялись. Спартакъ тотчасъ же послалъ нѣсколько человѣкъ въ ближайшій лѣсъ нарубить дровъ, чтобы зажечь костры на ночь, такъ какъ на такой высотѣ и притомъ въ зимнее время по ночамъ было очень холодно.

Весьма скоро отрядъ, утомленный походами послѣднихъ двухъ дней, погрузился въ глубокій сонъ и когда на небѣ зажглись первыя звѣзды,

ненарушимая тишина царствовала на всей полянѣ. Костры, треща и вспыхивая, освѣщали спящихъ гладіаторовъ.

Не спалъ одинъ Спартакъ. Неподвижно сидѣлъ онъ на темномъ утесѣ и смотрѣлъ вдаль. Мысль его блуждала далеко, далеко. Онъ вспомнилъ свою родину Эракію, первые годы своего дѣтства, давно минувшее счастье, исчезнувшее, какъ сновидѣніе. При этомъ воспоминаніи лицо его приняло спокойное и ясное выраженіе; но вдругъ оно сдѣлалось мрачнымъ и суровымъ; онъ вспомнилъ время римскаго нашествія, кровавыя битвы, пораженіе эракійцевъ, разрушеніе своего дома, истребленіе стадъ, рабство всей семьи...

Спартакъ встрепенулся: ему показалось, что на тростникѣ послышался какой-то шорохъ. Онъ сталъ прислушиваться, но кругомъ все было тихо и только порывы горнаго вѣтра время отъ времени колыхали листья деревьевъ.

Спартакъ направился къ костру, намѣреваясь отдохнуть передъ завтрашнимъ днемъ, но, сдѣлавъ нѣскольکو шаговъ, остановился и снова сталъ прислушиваться. На гору поднимаются солдаты!.. — прошепталъ онъ. Подойдя къ краю площадки, онъ наклонился впередъ и прибавилъ:

— Уже! Не думалъ, что такъ скоро.

Не успѣлъ Спартакъ подойти къ сторожевому посту, какъ въ ночной тиши раздался чисто и звонко окрикъ поставленнаго имъ заранѣе часового.

— Кто идетъ?..

И затѣмъ еще ближе громкій крикъ:

— Къ оружію!

Въ одно мгновеніе сторожевой постъ гладіаторовъ былъ на ногахъ. Въ эту минуту къ нимъ подошелъ Спартакъ. Держа въ рукѣ обнаженный мечъ онъ спокойнымъ голосомъ сказалъ:

— На насъ хотятъ напасть, но съ этой стороны не взойдетъ ни одинъ.

— Не взойдетъ ни одинъ!—какъ эхо повторили гладіаторы. Но каково же было удивленіе всѣхъ, когда въ отвѣтъ на окрикъ часового они слышали голосъ Окномана:

— Товарищи, это я и наши друзья!

Легко вообразить себѣ радость Спартака. Онъ бросился на встрѣчу Окноману, и оба гладіатора стали обнимать другъ друга, точно не видались много лѣтъ.

— О, мой милый Окноманъ!—воскликнулъ Спартакъ,—не думалъ я тебя такъ скоро увидѣть.

— Не думалъ и я, отвѣчалъ германецъ, лаская русыя кудри Спартака и нѣжно цѣлуя его въ лобъ.

Когда прошли первыя минуты радости, Окноманъ рассказалъ, какъ около тридцати его товарищей погибли въ ночной битвѣ около школы и какъ изъ ста двадцати оставшихся только девяти удалось сойтись вмѣстѣ и съ наступленіемъ ночи двинуться въ путь.

Не очень давно они встрѣтились съ однимъ изъ гонцовъ, посланныхъ Спартакомъ въ Капую и отъ него узнали въ точности мѣсто, гдѣ Спар-

такъ и его товарищи остановились лагеремъ. Велико было ликованіе и веселье въ лагерѣ гладіаторовъ. До глубокой ночи продолжались разговоры и разспросы товарищей, пока довольные и счастливые, они не уснули крѣпкимъ сномъ.

На слѣдующее утро Спартакъ съ Окноманомъ осмотрѣли свои отряды, приказали сложить по краю площадки цѣлыя груды камней на случай нападенія римлянъ, запаслись дровами для костровъ и провизіей. Такъ прошелъ весь день и слѣдующая ночь. Но на зарѣ второго дня гладіаторы были пробуждены крикомъ часовыхъ, звавшихъ ихъ къ оружію.

На этотъ разъ дѣйствительно приближалось около тысячи человѣкъ римскихъ солдатъ подъ командою Сервиліона. Лишь только римское войско показалось, гладіаторы пустили въ нихъ цѣлую груду камней.

— Впереды! впередъ ради Юпитера! Смѣлѣй, кричалъ Сервиліонъ идя впереди.

— Сію минуту мы будемъ въ лагерѣ этой сволочи и искрошимъ ихъ въ куски!

Несмотря на градъ камней, летѣвшихъ на нихъ сверху, римляне шли наверхъ до самаго вала, гдѣ могли, наконецъ, употребить въ дѣло свое оружіе.

Шумъ и крики усиливались, битва сдѣлалась кровавой.

Спартакъ тѣмъ временемъ стоялъ на вершинѣ горы и наблюдалъ за сраженіемъ. Окинувъ взглядомъ опытнаго полководца обѣ сражавшіяся сто-

роны, онъ понялъ, какую грубую непростительную ошибку сдѣлалъ его противникъ: Сервиліонъ повелъ свой отрядъ на приступъ по узкой дорожкѣ, гдѣ могло помѣститься не больше десяти человѣкъ въ рядъ, тогда какъ вся остальная масса должна была оставаться въ бездѣйствіи подъ мѣткими ударами гладіаторовъ. Въ ту же минуту онъ воспользовался ошибкой Сервиліона и, выстроивъ своихъ солдатъ вдоль всего края площадки, приказалъ имъ безъ отдыха бросать камнями въ нападающихъ. Черезъ четверть часа, сказалъ Спартакъ, римляне обратятся въ бѣгство и мы изрубимъ ихъ въ куски.

Предсказаніе его сбылось вполнѣ. Въ то время, какъ Сервиліонъ съ нѣсколькими смѣльчаками старались проложить себѣ дорогу въ лагерь гладіаторовъ, все остальное войско въ бездѣйствіи должно было стоять подъ перекрестнымъ градомъ камней.

Вскорѣ римскій отрядъ сталъ колебаться и подаваться назадъ. Напрасно Сервиліонъ требовалъ отъ своихъ солдатъ невозможнаго; онъ приказывалъ имъ стоять на мѣстѣ, несмотря на груды сыпавшихся въ нихъ со всѣхъ сторонъ камней.

Смятеніе первыхъ рядовъ становилось все сильнѣе, и, наконецъ, все войско обратилось въ полное бѣгство, причѣмъ передніе ряды тѣснили заднихъ, не будучи въ состояніи остановиться до самаго подножія горы. Гладіаторы преслѣдовали ихъ по пятамъ. Только добѣжавъ до открытаго мѣста, Сер-

виліонъ сталъ звать къ себѣ своихъ воиновъ, но преслѣдуемые гладіаторами, они разбѣжались по всѣмъ направленіямъ и только кое-гдѣ начальникамъ удавалось собрать вокругъ себя небольшіе отряды. Но и они недолго могли сопротивляться гладіаторамъ, и когда палъ Сервиліонъ, пораженный мечемъ Спартака, римляне обратились въ поспѣшное бѣгство.

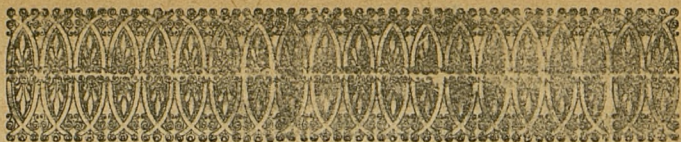
Съ этой минуты сраженіе прекратилось, и началось настоящее побоище.

Пораженіе римскаго войска было полное. Четыреста слишкомъ солдатъ лежали убитыми. Триста чело­вѣкъ были взяты въ плѣнъ и по приказанію Спартака, обезоружены и отпущены на свободу.

Гладіаторы потеряли не болѣе тридцати чело­вѣкъ убитыми и насчитывали до пятидесяти раненыхъ.

Вскорѣ побѣдители вернулись въ свой лагерь на Везувій, захвативши съ собою все оружіе римлянъ.

Х.

Извѣстіе о пораженіи двухъ римскихъ когортъ съ быстротою молніи распространилось по всѣмъ окрестнымъ городамъ, возбуждая повсюду ужасъ и тревогу.

Въ одномъ только Римѣ не придавали серьезнаго значенія возстанію гладіаторовъ. Римскій сенатъ былъ въ это время занятъ болѣе важными дѣлами. На востокъ и на западъ противъ римлянъ ополчились ихъ сосѣди, и всѣ войска были направлены къ границамъ.

Послѣ многократныхъ требованій ближайшихъ къ Везувію городовъ, римскій сенатъ рѣшилъ отправить противъ гладіаторовъ шесть когортъ, т. е. около трехъ тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ извѣстнаго и опытнаго полководца Клавдія Глабра.

Покуда Клавдій снаряжалъ свои когорты, армія гладіаторовъ быстро увеличивалась. Владѣя Везувіемъ и сосѣдними равнинами, Спартакъ каждый день обучалъ свои войска. Онъ училъ ихъ сдвигать ряды, смыкаться, строиться въ боевыя колонны и такъ далѣе. Изъ трубъ и рожковъ, отнятыхъ у римскихъ воиновъ, онъ составилъ маленькій отрядъ музыкантовъ, игравшихъ зорю, онъ за

это время успѣлъ подготовить свое маленькое войско къ предстоящей борьбѣ. Отъ ближайшихъ пастуховъ и дровосѣковъ Спартакъ узналъ, что римляне приближаются къ его лагерю, и имѣлъ самыя точныя свѣдѣнія о числѣ своихъ враговъ. Онъ понялъ, что съ тысячей воиновъ ему невозможно будетъ сражаться въ открытомъ полѣ противъ трехъ тысячъ римлянъ, и потому рѣшился ждать нападенія въ своемъ лагерѣ на Везувіи. Казалось, Клавдій дѣйствительно собирался атаковать Спартака. Около полудня сотня легко вооруженныхъ пѣхотинцевъ стала подниматься по обѣимъ сторонамъ, тропинками на гору. Приблизившись къ лагерю гладіаторовъ, римляне пустили туда цѣлую тучу стрѣлъ, но не причинили большого вреда, такъ какъ разстояніе было слишкомъ велико. Однако нѣсколько человѣкъ было ранено.

Спартакъ уже собирался броситься на римскихъ стрѣлковъ, но они быстро отступили, отказываясь, повидимому, отъ нападенія на лагерь.

Клавдій послалъ ихъ на Везувій только для того, чтобы узнать не покинули ли гладіаторы своего лагеря. Убѣдившись, что они все еще на горѣ, Клавдій весело потеръ себѣ руки: онъ понималъ, что можетъ побить врага его же собственнымъ оружіемъ.

— Мышь въ западнѣ! черезъ пять дней они сдадутся всѣ!—сказалъ онъ.

Оставивъ у подошвы горы двѣ когорты подъ начальствомъ Мессалы, Клавдій двинулся съ че-

тырьмя остальными вверхъ, къ лагерю гладіаторовъ. Поднявшись до мѣста, гдѣ пролежала единственная извилистая и узкая тропинка, по которой можно было пройти, онъ остановился и приказалъ разбить лагерь. Въ это время и Мессала повелъ свои двѣ когорты въ обходъ горы и черезъ нѣсколько часовъ достигъ противоположнаго ската ея. По отвратительной дорогѣ онъ поднялся на гору до того мѣста, гдѣ обрывы и утесы преграждали всякій путь, и здѣсь приказалъ разбить лагерь.

Такимъ образомъ, къ вечеру Клавдій и Мессала заняли единственные пути, по которымъ могли спуститься гладіаторы. Казалось, чтомышь дѣйствительно попала въ ловушку.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня Спартакъ, обходя по обыкновенію сторожевые посты, замѣтилъ непріятельскій лагерь Мессалы. Онъ не могъ видѣть войска Клавдія, расположеннаго на противоположной сторонѣ горы и скрытаго отъ него лѣсомъ, тѣмъ не менѣе онъ сразу понялъ планъ Глабра. Чтобы убѣдиться въ вѣрности своей догадки, Спартакъ сталъ съ двумя сотнями спускаться по тропинкѣ, и очень скоро наткнулся на передовые посты римлянъ и увидѣлъ большой римскій лагерь.

При первомъ приближеніи гладіаторовъ, римляне двинулись впередъ, осыпая стрѣлами отрядъ Спартака. Но несчастный еракіецъ, убитый мыслью о томъ, что онъ запертъ со всѣхъ сторонъ и дол-

женъ неминуемо погибнуть, не двигался съ мѣста и не замѣчалъ стрѣлъ, свистѣвшихъ вокругъ него. Его заставили очнуться слова одного десятника.

— Спартакъ! что же прикажешь. Идти впередъ и сражаться или отступать?

— Отступать, отступать,—печально отвѣтилъ еракіецъ.

Гладиаторы быстро стали подыматься на гору. Задумчиво и медленно шелъ за ними Спартакъ, опустивъ голову на грудь.

Римляне нѣсколько времени преслѣдовали гладиаторовъ, осыпая ихъ стрѣлами, но вскорѣ, по приказанію своего начальника, вернулись обратно.

Достигнувъ площадки, Спартакъ призвалъ къ себѣ Окномана и Арторикса. Отведя ихъ въ сторону, онъ указалъ имъ на виднѣвшійся римскій лагерь, расположенный по другую сторону горы, и спрашивалъ совѣта, какъ выбраться изъ этого ужаснаго положенія.

— Клянусь вамъ, воскликнулъ Окноманъ, ничего не остается, какъ броситься съ яростью дикихъ звѣрей на тотъ или другой лагерь. Тысяча нашихъ погибнетъ, но двѣ сотни пробьются на волю!

— Если бы только это было возможно! сказалъ Спартакъ.

— Что же въ этомъ невозможнаго? запальчиво спросилъ германецъ.

— Подумалъ ли ты о томъ, что вражескій лагерь расположенъ какъ разъ тамъ, гдѣ узкая тро-

пинка расширяется и образуетъ поляну; понялъ ли ты, что какъ съ той, такъ и съ другой стороны, мы можемъ сражаться не больше какъ по десяти человѣкъ въ рядъ? Что намъ въ томъ, что насъ тысяча двѣсти, если въ дѣлѣ могутъ принять участіе только двадцать человѣкъ?

Слова Спартака были настолько вѣрны, что Окноманъ опустилъ голову, и испустилъ глубокій вздохъ. Арториксъ тоже хранилъ глубокое молчаніе.

— Припасовъ у насъ всего на пять дней, продолжалъ Спартакъ. Ну а потомъ?

— Семь, восемь дней еще можно будетъ продержаться, а потомъ?

— Остается одинъ исходъ: сдаться или умереть...

Положеніе этихъ людей было весьма мучительно. Невыносимой пыткой было для нихъ сознаніе, что въ одно мгновеніе ока разрушены надежды и труды пяти лѣтъ; погибла единственная цѣль, единственная радость ихъ жизни! Видѣть такой жалкій конецъ дѣла въ ту самую минуту, когда, казалось, они были такъ близки къ побѣдѣ!.. Что значила смерть рядомъ съ такимъ ужаснымъ несчастіемъ?

Спартакъ первый нарушилъ это ужасное молчаніе.

— Пойдемъ, сказалъ онъ, осмотримъ хорошенько площадку, можетъ быть, есть еще какое-нибудь средство спастись и выйти изъ этого гроба.

Подойдя къ тому мѣсту, гдѣ площадка **приле-**гала къ чрезвычайно крутому обрыву, всѣ трое остановились, желая измѣрить глазомъ его глубину, но тотчасъ же отступили въ ужасъ, почувствовавъ головокруженіе, при видѣ этой бездонной пропасти.

— Только камни могутъ скатиться до дна, — **ска-**залъ Спартакъ.

Не далеко отъ вождей нѣсколько молодыхъ гладіаторовъ, лежа на землѣ, плели большіе щиты изъ ивовыхъ прутьевъ, обивая ихъ подошвенной кожей. Взглядъ Спартака, задумчиво смотрѣвшій по сторонамъ, нечаянно упалъ на этихъ гладіаторовъ и на ихъ работу.

Одинъ изъ нихъ объяснилъ еракійцу, что изъ прутьевъ они готовятъ щиты для будущихъ товарищей, которые могутъ прійти къ нимъ.

— Да награждать васъ боги за эту братскую любовь къ своимъ товарищамъ,—воскликнулъ Спартакъ.

Послѣ минутнаго молчанія, во время котораго еракіецъ съ любовью смотрѣлъ на этихъ юношей, онъ спросилъ:

— А много-ли у васъ еще кожи?

— О, нѣтъ, на какую-нибудь дюжину щитовъ, не больше.

— Какъ жаль, что кожи не достанешь.

— Сколько угодно, какъ лозы въ рощѣ! шутя замѣтилъ одинъ изъ гладіаторовъ.

Взоръ Спартака снова устремился на эти толстые, крѣпкіе и гибкіе прутья, лежавшіе маленькими пучками.

Послѣднія слова гладіатора поразили его. Внезапная мысль озарила его голову. Онъ нагнулся къ землѣ и, схвативъ пучекъ прутьевъ, радостно воскликнулъ:

— О, клянусь Юпитеромъ, мы спасены!

Окноманъ и Арториксъ съ удивленіемъ обернулись къ Спартаку.

— Что ты говоришь?

— Въ чемъ же наше спасеніе?

Спартакъ, внимательно разсматривавшій прутья, обратился къ товарищамъ и сказалъ:

— Вы видите, друзья, эти прутья? Изъ нихъ мы соведемъ безконечную лѣстницу, привяжемъ ее однимъ концомъ къ верхушкѣ вотъ этого утеса и спустимся одинъ за другимъ до самаго дна оврага

откуда выйдемъ въ тылъ римлянамъ и изрубимъ ихъ въ куски.

Печальная улыбка появилась на устахъ спутниковъ Спартакъ.

Окноманъ покачавъ головою, сказалъ:

— Спартакъ, ты бредишь!

— Лѣстница въ сто слишкомъ саженой длины съ недовѣріемъ воскликнулъ Арториксъ.

— Для того, кто сильно чего-нибудь пожелаетъ, отвѣчалъ Спартакъ, нѣтъ ничего невозможнаго.

— Насъ тысяча двѣсти человѣкъ и часа въ три мы сплетемъ эту лѣстницу.

Онъ приказалъ тотчасъ же четыремъ сотнямъ гладіаторовъ отправиться съ топорами въ сосѣдній лѣсъ и нарубить какъ можно больше ивовыхъ прутьевъ. Скоро гладіаторы вернулись изъ лѣсу съ прутьями. Спартакъ первый показалъ, какъ ихъ надо сплестать, какъ связывать звенья лѣстницы, и работа закипѣла.

За два часа до заката солнца лѣстница длиною въ сто тридцать саженой была уже готова. Тогда Спартакъ приказалъ развить ее, чтобы лично убѣдиться въ ея прочности. По мѣрѣ того, какъ онъ ощупывалъ и осматривалъ каждое звено, гладіаторы свертывали лѣстницу съ противоположнаго конца.

Когда наступили сумерки, Спартакъ приказалъ тихонько сняться съ лагеря, причемъ каждый десятокъ долженъ былъ связать вмѣстѣ свое оружіе, такъ какъ при спускѣ, къ которому они готовились,

не было никакой возможности обременять себя оружіемъ. Для этой цѣли была свита изъ лоскутовъ матеріи длинная веревка; спустившись до дна пропасти, каждый десятокъ долженъ былъ тотчасъ же получить по этой веревкѣ свое оружіе.

Къ одному изъ концовъ лѣстницы были привязаны два большихъ камня, и ее начали тихонько спускать внизъ по обрыву въ этотъ бездонный колодезь.

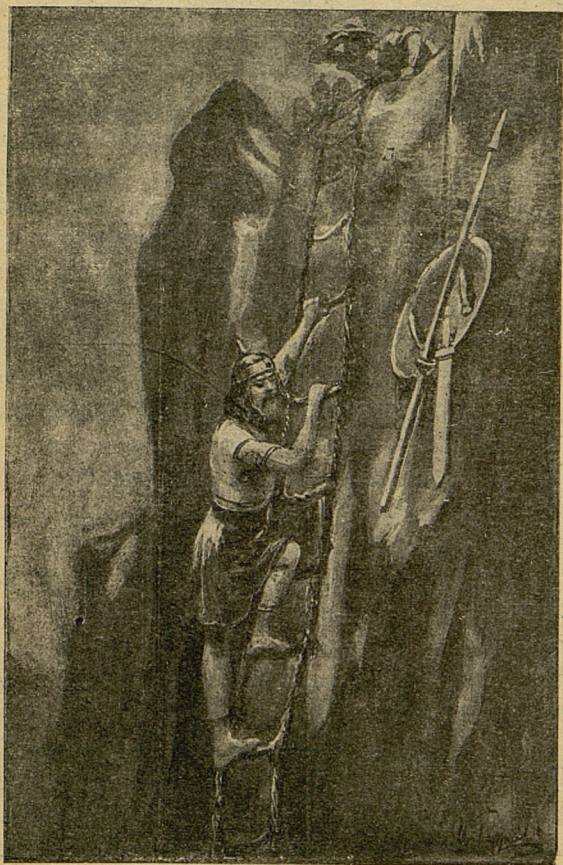
Привязывая эти громадныя камни, Спартакъ хотѣлъ испытать прочность лѣстницы, и кромѣ того удерживать ее въ покоѣ, чтобы она не такъ сильно качалась при спускѣ по ней.

Когда все было готово, и темнота начала слегка окутывать гору, Окноманъ первый собрался спуститься внизъ. Охвативъ руками верхушку скалы, къ которой была прочно прикрѣплена лѣстница, германецъ повисъ ногами надъ бездною. Онъ былъ немного блѣденъ, потому что такое необычное путешествіе въ бездонную пропасть, представляло для него совершенно новую и незнакомую опасность.

— Клянусь богами, даже самая легкая изъ танцовщицъ не особенно охотно заступила бы теперь мое мѣсто,—сказалъ онъ шутя.

Съ этими словами огромная фигура германца стала тихо погружаться въ бездну, пока, наконецъ, совершенно не исчезла за выступомъ скалы.

Спартакъ, нагнувшись впередъ, не спускалъ глазъ съ своего друга, съ трепетомъ слѣдя за

Огромная фигура германна стала спускаться въ бездну,
(Стр. 86).

всякимъ колебаніемъ лѣстницы. Лицо его было блѣдно; казалось онъ весь обратился въ зрѣніе.

Гладиаторы, столпившись у края площадки, не спускали глазъ съ пропасти и скалы, къ которой была прикрѣплена лѣстница. Всѣ хранили глубокое молчаніе, и среди ночной тишины слышалось только порывистое дыханіе тысячи двухсотъ чловѣкъ, вся жизнь и судьба которыхъ зависѣли въ эту минуту отъ слабой ивовой плетенки.

Медленное правильное качаніе лѣстницы показывало гладиаторамъ число ступенекъ, пройденныхъ Окноманомъ; колебаніе это продолжалось около трехъ минутъ, но эти три минуты показались имъ тремя вѣками. Наконецъ, движеніе прекратилось.

Тогда, точно по командѣ, всѣ повернули уши къ пропасти и на всѣхъ лицахъ выразилось напряженное ожиданіе.

Прошло нѣсколько секундъ. На всей площадкѣ не слышно было ни малѣйшаго звука, ни малѣйшаго шороха. Наконецъ раздался окрикъ сперва тихій и невнятный, потомъ все болѣе и болѣе громкій и ясный:

— С-л-у-ш-а-й! С-л-у-ш-а-й!..

Глубокій вздохъ облегченія сразу вырвался изъ тысячи грудей; это былъ условленный знакъ, которымъ Окноманъ увѣдомлялъ, что онъ благополучно спустился на дно обрыва.

Тогда съ величайшею поспѣшностью, соблюдая полнѣйшую тишину, гладиаторы одинъ за другимъ

начали спускаться по этому необыкновенному пути, который теперь уже несомненно долженъ былъ вывести ихъ всѣхъ отъ смерти къ жизни, отъ полнаго пораженія къ блистательной побѣдѣ.

Около 36 часовъ продолжался этотъ спускъ по плетеной лѣстницѣ и только на зарѣ второго дня всѣ гладіаторы находились на днѣ обрыва.

Нечего рассказывать о той благодарности, которою всѣ осыпали Спартака, такъ чудесно спасаго ихъ отъ вѣрной гибели.

Но еракіецъ упросилъ ихъ не шумѣть и приказалъ каждой сотнѣ спрятаться между сосѣдними утесами и ждать наступленія ночи.

Длиннымъ, безконечнымъ показался нетерпѣливымъ гладіаторамъ этотъ день; но, наконецъ, солнце начало склоняться къ закату и наступили сумерки. Тогда обѣ когорты гладіаторовъ вышли изъ своихъ засадъ и двинулись, очень осторожно и тихо, по двумъ различнымъ направленіямъ.

Одна, подѣ начальствомъ Окномана пошла къ лагерю Клавдія,—другая подѣ предводительствомъ Спартака—направилась къ лагерю Мессалы.

Подойдя къ римскому лагерю, еракіецъ остановилъ свою когарту и одинъ пошелъ къ валу.

— Кто идетъ? крикнулъ часовой, которому слышался какой то шорохъ. Спартакъ остановился и ничего не отвѣчалъ.

Наступило молчаніе, во время котораго римскій часовой внимательно прислушивался. Но вокругъ все было тихо.

Вскорѣ Спартакъ услышалъ шаги патруля, который спѣшилъ узнать въ чемъ дѣло.

Ночь была такъ тиха, что еракіецъ слышалъ разговоръ, хотя онъ велся шепотомъ.

— Что случилось? спрашивалъ десятникъ, командовавшій патрулемъ.

— Мнѣ послышался какой то шумъ въ этомъ виноградникѣ.

— Послѣ окрика: „кто идетъ“ слышалъ что-нибудь?

— Нѣтъ, ничего, какъ ни прислушивался.

— Вѣроятно, лисица пробиралась за курицами.

— Я тоже думаю, что шумъ произошелъ отъ какого-нибудь звѣря.

— Ужъ, конечно, не отъ гладіаторовъ. Они тамъ наверху и не уйдутъ отъ насъ.

— Не уйдутъ! Я слышалъ, какъ нашъ полководецъ говорилъ, что мышъ попала въ мышеловку.

— О, будь въ этомъ увѣренъ. Клавдій—старый котъ и такому мышенку, какъ Спартакъ, не избѣжать его когтей.

— Еще бы! Еще бы!..

Наступило новое молчаніе. Спартакъ неподвижно стоялъ за кустомъ и улыбался такой увѣренности римлянина.

— Такъ смотри же въ оба, и не принимай лисицъ за гладіаторовъ.

— Было бы слишкомъ много чести для гладіаторовъ! съ насмѣшкой сказалъ часовой.

Снова водворилась тишина.

Тѣмъ временемъ Спартакъ, привыкнувъ къ темнотѣ, разсмотрѣлъ форму вала и окоповъ римскаго лагеря. Выбравъ, такимъ образомъ, мѣсто, удобное для нападенія, онъ вернулся къ своему отряду и тихо повелъ его впередъ. Когда они были уже на довольно близкомъ разстояніи отъ лагеря, шумъ ихъ шаговъ обратилъ на себя вниманіе часового.

— Кто идетъ? крикнулъ онъ голосомъ, до такой степени встревоженнымъ, что на этотъ разъ не было никакого сомнѣнія, что онъ не принялъ гладиаторовъ за лисицъ.

Не получивъ никакого отвѣта, онъ закричалъ:
— Къ оружію!

Но гладиаторы, бросившись впередъ бѣгомъ, спрыгнули въ ровъ, и вскочивъ съ необыкновенной быстротой на плечи другъ другу, въ одно мгновеніе ока взобрались на валъ и стали перескакивать черезъ частоколь въ римскій лагерь.

Римляне спали крѣпкимъ сномъ, совершенно не ожидая нападенія враговъ, запертыхъ, какъ они думали, на вершинѣ Везувія и неспособныхъ разорвать желѣзное кольцо, которымъ они ихъ окружили. Неудивительно поэтому, что ошеломленные, они не оказывали почти никакого сопротивленія свирѣпому натиску гладиаторовъ, врывавшихся подобно бурному потоку въ заднія ворота, истребляя направо и налево испуганныхъ, обезоруженныхъ, полусонныхъ воиновъ.

Черезъ минуту во всемъ римскомъ лагерьѣ слышны были стоны раненыхъ, крики, проклятія,

мольбы о пощаду, вопли ужаса. Это была не битва, а кровавое побоище, причемъ меньше чѣмъ въ полчаса четырехста слишкомъ воиновъ лежало убитыми, остальные въ ужасѣ бѣжали по разнымъ направленіямъ.

Не болѣе сорока храбрецовъ подъ начальствомъ Мессалы старались остановить напоръ гладиаторовъ, въ надеждѣ, что ихъ примѣру послѣдуютъ бѣглецы и они снова вступятъ въ битву. Впереди этой небольшой кучки сражался самъ Мессала, ободряя примѣромъ своихъ воиновъ и вызывая Спартакъ, съ которымъ жаждалъ помѣряться мечами.

— Эй, Спартакъ, подлый вождь презрѣнныхъ грабителей, гдѣ ты? Куда ты спрятался? или ты не смѣешь скрестить свой мечъ съ мечомъ свободаго гражданина?

Несмотря на шумъ, гамъ, крики и звонъ оружія, наполнявшіе лагерь, Спартакъ слышалъ наглый вызовъ римлянина, и, растолкавъ могучими руками густую толпу своихъ воиновъ, онъ въ свою очередь вскричалъ:

— Эй, римскій грабитель, и сынъ грабителей, возьми назадъ всю свою брань, она пристала гораздо больше тебѣ, чѣмъ мнѣ. Ну, собака, вотъ и я. Что тебѣ нужно?

Оба противника съ поднятыми мечами бросились другъ на друга.

Съ быстротою молніи отразивъ ударъ римлянина, Спартакъ въ одно мгновеніе выбилъ у него

изъ рукъ щить и нанесъ такой страшный ударъ по каскѣ, что несчастный, ошеломленный, упалъ на землю. Гибель его была бы неизбежна; но остановивъ во время мечъ, занесенный надъ его головой, Спартакъ сказалъ:

— Иди, юноша, и Расскажи всѣмъ, какъ презрѣнный гладіаторъ даровалъ тебѣ жизни!

Черезъ нѣсколько минутъ храбрецы, попытавшіеся еще сопротивляться, были перебиты почти всѣ до послѣдняго. Весь римскій лагерь достался въ руки побѣдителей.

Одновременно съ этимъ, на противоположной сторонѣ горы, въ лагерь Клавдія повторилось почти то же самое. Тамъ Окноманъ со своей когортой такъ же неожиданно и стремительно напалъ на лагерь римлянъ и послѣ страшнаго кровопролитія овладѣлъ имъ.

Такимъ образомъ, благодаря хитрости Спартака, тысяча гладіаторовъ одержала блистательнѣйшую побѣду надъ тремя тысячами римскихъ воиновъ, изъ коихъ тысяча человѣкъ легла на полъ битвы, прочіе же разбѣжались, оставивъ побѣдителямъ оружіе, припасы и знамена.

На другой день оба отряда гладіаторовъ соединились въ лагерь Клавдія.

Легко представить себѣ, съ какой быстротою вѣсть о новой побѣдѣ Спартака распространилась по всѣмъ городамъ Италіи. Изъ Капуи, гдѣ находилась школа, гладіаторы толпами бѣжали въ лагерь еракійца.

Двадцать дней спустя, ихъ прибыло слишкомъ четыре тысячи, такъ что подъ начальствомъ Спартака находилось уже около шести тысячъ человѣкъ.

Несмотря на то, что въ Римѣ были заняты дѣлами болѣе важными, пораженіе Клавдія возбудило нѣкоторый говоръ. И народу и сенату, казалось одинаково постыднымъ для чести римскаго имени, что воины, завоевавшіе весь міръ, терпятъ пораженія отъ рабовъ.

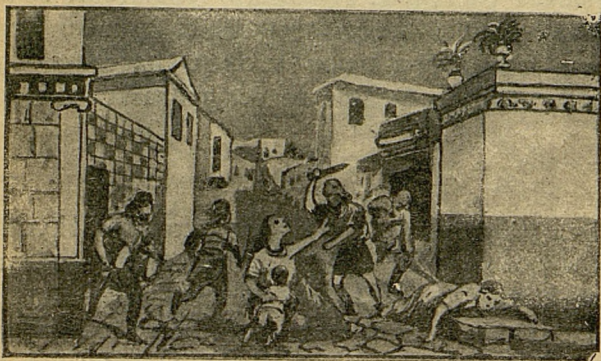
Между тѣмъ, гладіаторы направились къ близлежащему городу Ноллѣ и потребовали добровольной сдачи его, обѣщая полную безопасность жителямъ и ихъ имуществу.

Испуганные появленіемъ незваныхъ гостей, жители собрались на площади и начали толковать о томъ, что имъ дѣлать. Одни предлагали сдаться, но большинство не соглашалось и рѣшило сопротивляться до послѣдней крайности. Они послали гонцовъ въ Римъ и другіе города, требуя немедленной помощи. Но всѣ эти гонцы попали въ руки Спартака. А сами жители города, отвыкшіе владѣть оружіемъ, не могли и часа устоять противъ натиска гладіаторовъ, и городъ былъ взятъ. Гладіаторы, раздраженные сопротивленіемъ, начали рѣзню и грабежъ.

Хотя Спартакъ строго приказалъ своимъ воинамъ обходиться мягко съ побѣжденными, и хотя слово его было священно для всѣхъ гладіаторовъ, но они не могли, однако, устоять, какъ не могутъ устоять никакіе солдаты, противъ той лихорадоч-

ной жажды крови и разрушенія, которая овладѣваетъ всѣми ими, когда они встрѣчаютъ сопротивленіе, рискуютъ собственной жизнью и видятъ смерть своихъ товарищей.

Спартакъ бросился по улицамъ города, употребляя всѣ усилія, чтобы остановить кровопролитіе и грабежъ. Благодаря своимъ помощникамъ, ему, на-

Гладіаторы начали рѣзню и грабежъ. (Стр. 94).

конецъ, удалось возстановить порядокъ. Вскорѣ ватѣмъ звукъ трубъ сталъ призывать гладіаторовъ на городскую площадь.

Когда всѣ выстроились, Спартакъ вышелъ впередъ и среди глубокой тишины объявилъ своимъ товарищамъ, что онъ не хочетъ начальствовать надъ разбойниками и грабителями, что онъ призывалъ ихъ для завоеванія свободы, а не для грабежа, что и безъ того ихъ уже называютъ ворами.

и убійцами и, если они своими поступками подтверждаютъ эти прозвища, имъ скоро не будетъ ни отъ кого другого имени.

Низко опустивъ головы, слушали гладіаторы эти справедливые упреки своего вождя. Но по мѣрѣ того, какъ продолжалась его простая, но горячая рѣчь въ рядахъ все чаще раздавались слова сожалѣнія и раскаянія. Наконѣцъ, гладіаторы не выдержали и, бросившись впередъ, окружили Спартака и, цѣлуя его руки, молили, простить ихъ, обѣщая никогда больше не ослушиваться его.

Два мѣсяца простоялъ Спартакъ подъ Ноллою, постоянно обучая военному дѣлу своихъ солдатъ, число которыхъ дошло уже до восьми тысячъ.

Къ концу второго мѣсяца къ нему неожиданно пришло подкрѣпленіе изъ Рима. Одному изъ товарищей Спартака, галлу Крису, оставшемуся въ Римѣ, удалось собрать двѣ тысячи гладіаторовъ и несмотря на бдительный надзоръ, которому подчинили всѣ гладіаторскія школы во всей Италіи, онъ тайкомъ вывелъ ихъ изъ города и привелъ къ Спартаку.

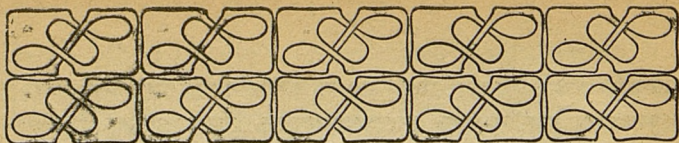
Велика была радость всего войска, а особенно его вождя, когда онъ увидѣлъ Крису, котораго любилъ, какъ брата.

Новоприбывшіе тотчасъ же были вооружены и вмѣстѣ съ тремя тысячами другихъ воиновъ со-

ставили второй легіонъ, подъ начальствомъ Крисса. Первымъ легіономъ командовалъ германецъ Окноманъ. Спартакъ при всеобщемъ ликованіи былъ снова выбранъ верховнымъ вождемъ всего войска.

Черезъ два дня послѣ прибытія Крисса развѣдчики донесли Спартаку, что изъ Рима на нихъ идетъ громадное войско подъ начальствомъ известнаго полководца Варинія.

XI.

Вариній былъ опытный полководецъ, прослужившій 25 лѣтъ въ римской арміи. Войско его состояло изъ восьми тысячъ человѣкъ, молодыхъ, сильныхъ и прекрасно вооруженныхъ пѣхотинцевъ и кавалеристовъ. Собравъ самыя точныя свѣдѣнія о гладіаторскомъ лагерѣ, онъ рѣшился раздѣлить свое войско на двѣ части и повести ихъ двумя дорогами, чтобы напасть на гладіаторовъ одновременно съ двухъ сторонъ.

Подъ начальствомъ Фурія часть его отряда должна была броситься на гладіаторовъ съ фронта, въ то время какъ онъ самъ ударить на своего врага съ тылу. Такимъ образомъ онъ надѣялся окончательно раздавить гладіаторовъ.

Планъ этотъ былъ очень хорошъ, но только въ томъ случаѣ, если бы Спартакъ не вздумалъ покинуть свой лагерь. Но Вариній считалъ Спартака презрѣннымъ рабомъ, неспособнымъ на какую бы то ни было военную предусмотрительность.

А между тѣмъ еракіецъ, узнавъ черезъ своихъ развѣдчиковъ, что Вариній раздѣлилъ свое войско

и направилъ его по разнымъ дорогамъ, сейчасъ же догадался о его намѣреніи.

Не медля ни минуты, онъ рѣшился броситься въ середину между обоими отрядами и разбить ихъ одинъ за другимъ, прежде чѣмъ они успѣютъ соединиться.

Однимъ изъ замѣчательныхъ качествъ Спартака, какъ полководца, была быстрота, съ которою онъ соображалъ обстоятельства своего положенія, разсчитывалъ, угадывалъ, что ему слѣдуетъ дѣлать, и немедленно приводилъ въ исполненіе свои рѣшенія. Такъ онъ поступилъ и теперь. Краткою рѣчью онъ воодушевилъ своихъ товарищей и двинулся по труднымъ проселочнымъ дорогамъ навстрѣчу непріятелю.

Черезъ два дня гладіаторы заняли крѣпкую позицію на той самой дорогѣ, по которой долженъ былъ пройти Фурій со своимъ войскомъ.

Едва солнце успѣло взойти, озаряя своими багровыми лучами желтыя хлѣбныя поля и зеленѣющіе виноградники, какъ римскій отрядъ показался изъ-за холмовъ.

Не давъ имъ времени выстроиться въ боевой порядокъ, гладіаторы бросились со всѣхъ сторонъ на своихъ противниковъ.

Римляне отчаянно и храбро защищались. По всему полю слышался сухой стукъ ударяющихся другъ о друга щитовъ, звонъ мечей и дикіе крики сражающихся.

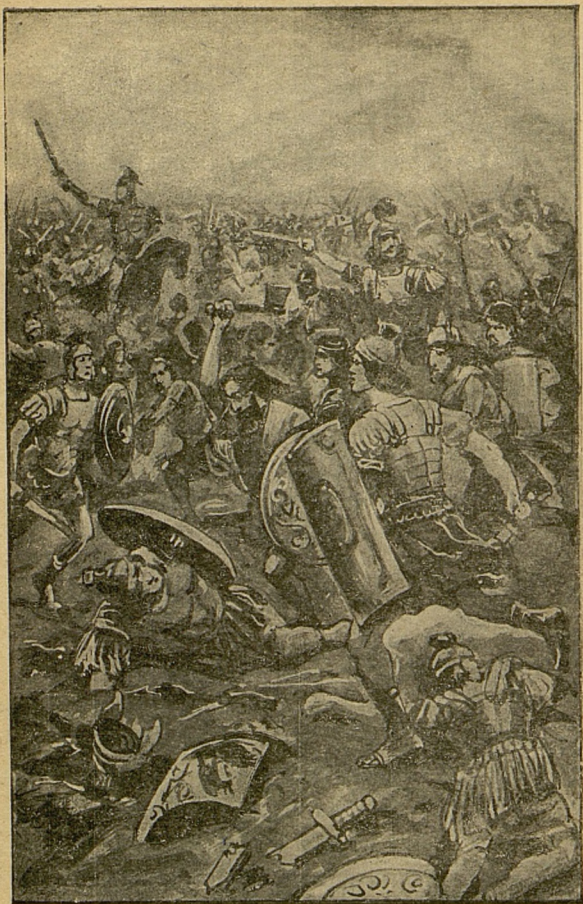
Около получаса съ обѣихъ сторонъ дрались съ одинаковой храбростью и отвагой. Но римлянъ было слишкомъ мало въ сравненіи съ гладіаторами, и потому они не могли долго выдержать ихъ бѣшенатаиска. Весьма скоро воины Фурія, поражаемые со всѣхъ сторонъ, начали подаваться и вскорѣ обратились въ безпорядочное бѣгство. Однако спаслись немногіе. Окруженные со всѣхъ сторонъ ужаснымъ кольцомъ мечей, римляне почти всѣ погибли. Въ числѣ погибшихъ былъ и Фурій.

) Давъ своему войску нѣсколько часовъ отдыха, Спартакъ двинулся на встрѣчу Варинію. Черезъ день развѣдчики донесли ему, о приближеніи римлянъ и онъ, выстроивъ войско въ боевой порядокъ, стремительно бросился на непріятеля.

Жестока и кровопролитна была битва, продолжавшаяся цѣлый день. Римляне сопротивлялись съ необыкновенной храбростью, но тѣснимые втрое сильнѣйшимъ непріателемъ, къ закату солнца начали въ безпорядкѣ отступать. Гладіаторы ударили на нихъ съ новою силою и вскорѣ отступление превратилось въ настоящее бѣгство. Спартакъ приказалъ конницѣ преслѣдовать бѣгущихъ.

Болѣе двухъ тысячъ римлянъ погибло въ этой битвѣ, около полутора тысячъ было ранено. Немало попало также въ плѣнъ, но Спартакъ, обезоруживъ ихъ, отпустилъ всѣхъ на свободу.

Потери гладіаторовъ въ этой битвѣ были довольно значительны; восемьсотъ человекъ выбыло изъ строя.

Битва продолжалась целый день. (Стр. 100).

Полный отчаянія Вариній сталъ собирать остатки своего разбитаго войска, но, узнавъ о пораженіи Фурія, онъ быстро двинулся къ Риму, проклиная гладіаторовъ и всѣхъ боговъ неба и ада.

Одержавъ, такимъ образомъ, двѣ блистательныя побѣды надъ римлянами, Спартакъ направился къ Капуѣ, чтобы добиться освобожденія пяти тысячъ гладіаторовъ, все еще запертыхъ въ школь.

Расположившись лагеремъ у городскихъ стѣнъ, онъ послалъ къ сенату пословъ, требуя свободнаго выхода для своихъ арестованныхъ товарищей. Въ случаѣ неисполненія этого требованія, Спартакъ угрожалъ взять городъ приступомъ, предать его огню и мечу и истребить всѣхъ жителей безъ различія пола и возраста. Извѣстія о побѣдахъ еракійца уже достигли Капуи и наполнили ужасомъ сердца всѣхъ гражданъ.

Поэтому сенаторы, услышавъ требованіе и угрозы Спартака, рѣшили исполнить его просьбу. Напрасно комендантъ сталъ объяснять испуганнымъ сенаторамъ, что угрозы еракійца ни что иное, какъ пустое хвастовство, рассчитанное на трусость и невѣжество толпы. Онъ доказывалъ имъ, что нѣтъ никакой возможности взять приступомъ городъ, защищенный такими высокими стѣнами, какъ Капуя, и что гладіаторы никогда не отважатся на подобный поступокъ, который былъ бы безуміемъ съ ихъ стороны. Но страхъ совершенно отуманилъ головы сенаторовъ и лишилъ ихъ способности понять справедливость словъ коменданта. Всѣ они

разомъ вскочили съ своихъ мѣстъ и начали кричать, что комендантъ сошелъ съ ума, что когда гладіаторы брали Ноллу у нихъ было меньше войска, и они были хуже вооружены; однако, это не помѣшало имъ взять городъ въ два часа и предать его огню и мечу; что они не намѣрены для прихоти коменданта дать истребить свои дома и изрубить свои семьи; что даже лучше и безопаснѣе для города выслать эти пять тысячъ гладіаторовъ, за которыми надо тщательно слѣдить.

Такимъ образомъ, пять тысячъ человѣкъ, запертыхъ въ стѣнахъ школы, были выведены за городъ и тотчасъ же отправились въ лагерь Спартака. Здѣсь они были встрѣчены съ неописаннымъ восторгомъ, немедленно вооружены и составили третій легіонъ.

Вернувшись въ свой лагерь подъ Ноллою, Спартакъ былъ пораженъ пріятной неожиданностью: онъ засталъ сестру свою Мирцу. Оракіецъ обнялъ ее и со слезами радости покрывалъ лицо сестры поцѣлуями. Молодая дѣвушка въ свою очередь, горячо цѣлуя лицо, руки, одежду брата, повторяла прерывающимся отъ слезъ голосомъ:

— О, Спартакъ, о, милый мой! Сколько я перестрадала изъ-за тебя!

— Какъ я боялась! Съ тѣхъ поръ какъ началась эта ужасная война, я не знала ни минуты покоя. Мнѣ все думалось:—что если ты раненъ, что если я тебѣ нужна?... Потому что никто, ми-

лый Спартакъ, не сможетъ ухаживать за тобой если-бы это случилось...

И я все плакала по цѣлымъ днямъ и просила мою добрую госпожу позволить мнѣ идти къ тебѣ... и она отпустила меня. Юпитеръ пусть вѣчно охраняетъ эту добрую женщину... она меня отпустила и дала мнѣ вдобавокъ свободу.

— Вѣдь я теперь уже не рабыня, Спартакъ... и могу остаться на вѣки съ тобой.

Во время этого дѣтскаго лепета молодая дѣвушка то плакала, то улыбалась брату.

Подъ Ноллою Спартакъ простоялъ цѣлый мѣсяцъ, обучая все новыя и новыя толпы рабовъ, которыя стекались къ нему со всѣхъ городовъ Италіи.

Тѣмъ временемъ римляне выслали противъ гладіаторовъ новое войско въ тридцать тысячъ чело-вѣкъ, поручивъ начальство надъ нимъ Оресту. Но и этотъ послѣдній не былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ: Спартаку удалось окружить его со всѣхъ сторонъ, и римляне потерпѣли полное пораженіе. Семь тысячъ чело-вѣкъ пало на подѣ битвы и четыре тысячи были взяты въ плѣнъ.

XII.

Когда въ Римъ пришло извѣстіе о пораженіи Ореста, уныніе овладѣло жителями города. Римляне увидѣли, что имѣютъ дѣло не съ жалкимъ возстаніемъ рабовъ, а съ настоящей войной, притомъ войной опасной. Въ самомъ дѣлѣ, они должны были признать въ Спартакѣ чрезвычайно искуснаго полководца, который умѣетъ пользоваться малѣйшими оплошностями врага, а недостатка въ солдатахъ у него не могло быть уже по одному тому, что въ Италіи было много милліоновъ рабовъ. Поэтому сенатъ рѣшилъ поручить веденіе войны обоимъ консуламъ *). Но прежде чѣмъ продолжать войну, сенатъ рѣшилъ вступить въ переговоры съ Спартакомъ. Дѣло это было крайне затруднительное: съ одной стороны вести переговоры могъ только человѣкъ очень искусный, а съ другой—сенатъ считалъ оскорбительнымъ для чести Рима послать высокопоставленное лицо для переговоровъ съ рабами, по ихъ мнѣнію недостой-

*) Консулы избирались народомъ ежегодно, и имъ принадлежала верховная власть надъ всѣмъ государствомъ и войскомъ. Обыкновенно консулы выступали въ походъ только въ случаѣ серьезной опасности для государства.

ными даже названія челоуѣка. Однако одинъ изъ консуловъ, Лукуллъ, рѣшилъ подъ вымышленнымъ именемъ отправиться въ лагерь возставшихъ рабовъ.

Мѣсяцъ спустя послѣ новой побѣды, Спартакъ со своимъ войскомъ стоялъ лагеремъ близъ Везувія. Онъ только что вернулся съ маневровъ, какъ вдругъ ему доложили, что посланникъ римскаго сената проситъ позволенія повидаться съ нимъ.

— О, клянусь Юпитеромъ, воскликнулъ Спартакъ и глаза его засверкали невыразимой радостью, — римская гордость пала очень низко, если сенатъ не стыдится вести переговоры съ презрѣннымъ гладіаторомъ!

Затѣмъ онъ обратился къ одному изъ десятниковъ и сказалъ.

— Возьми съ собой нѣсколько челоуѣкъ солдатъ и веди сюда римлянина.

Черезъ нѣсколько минутъ посолъ сената и четыре его спутника съ завязанными глазами были подведены къ палаткѣ Спартака.

— Привѣтъ тебѣ, Спартакъ! — проговорилъ посланникъ, кланяясь вождю гладіаторовъ.

— Привѣтъ и тебѣ, римлянинъ! — отвѣчалъ Спартакъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобой наединѣ.

— Хорошо, поговоримъ наединѣ, — сказалъ Спартакъ и приказалъ всѣмъ удалиться. Когда они остались одни, римлянинъ, по приглашенію Спартака, снялъ повязку и осмотрѣвшись вокругъ, не

могъ удержаться, чтобы не выразить вслухъ своего удивленія. Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить такой порядокъ въ лагерѣ рабовъ.

— Клянусь Юпитеромъ,—прибавилъ онъ,—ты рожденъ не для того, чтобы быть гладіаторомъ!

— Такъ же точно, какъ и тѣ семьдесятъ тысячъ несчастныхъ, лагерь которыхъ ты видишь передъ собою, такъ же точно, какъ и тѣ миллионы свободныхъ людей, которыхъ вы обратили въ рабовъ.

— Рабство существовало съ давнихъ поръ,—отвѣтилъ римлянинъ.—По своей натурѣ человѣкъ—человѣку—волкъ. Повѣрь, Спартакъ, твоя затѣя честна, какъ и душа твоя, но она никогда не осуществится. Пока существуютъ люди на землѣ, всегда были и будутъ свободные и рабы.

— Нѣтъ,—горячо воскликнулъ Спартакъ,—не всегда такъ было. Пока каждый работалъ на своей землѣ и жилъ трудами своихъ рукъ, всѣ были равны и не было на землѣ ни господъ, ни рабовъ. Но если даже допустить, какъ думаешь ты, что неравенство между людьми неизбежно, то развѣ отсюда слѣдуетъ, что одни должны быть рабами другихъ? Развѣ необходимо, чтобы побѣдители наслаждались зрѣлищемъ гладіаторскихъ побоищъ между побѣжденными? Эта звѣрская жажда крови, можетъ быть, также справедлива и приказана богами?

Наступило довольно продолжительное молчаніе, во время котораго римлянинъ не находилъ словъ для отвѣта еракійцу. Спартакъ первый прервалъ его.

— Зачѣмъ ты пришелъ?—спросилъ онъ римлянина.

— Я — Кай Ралла, римскій дворянинъ и присланъ къ тебѣ отъ консула Лукуллы съ двумя предложеніями.

Спартакъ чуть замѣтно улыбнулся и спросилъ:

— Какое же первое?

— Отпустить, за извѣстный выкупъ, нашихъ плѣнныхъ, взятыхъ тобою во время послѣдняго сраженія.

— Я согласенъ отпустить четыре тысячи вашихъ плѣнныхъ, если вы дадите мнѣ за нихъ десять тысячъ хорошихъ мечей и десять тысячъ щитовъ.

— Какъ, — воскликнулъ римлянинъ, — ты требуешь, чтобы мы сами дали тебѣ оружіе, которымъ ты будешь сражаться противъ насъ!

— Да, да, и предупреждаю, что оно должно быть самага лучшаго качества, приготовленное въ вашихъ собственныхъ мастерскихъ, потому что мнѣ нужно вооружить имъ два новыхъ легіона.

— Клянусь Юпитеромъ, — воскликнулъ внѣ себя отъ гнѣва римлянинъ, — ты самъ вѣроятно не знаешь, что ты говоришь! Ты не получишь оружія, повторяю тебѣ, не получишь! Держи себѣ своихъ плѣнниковъ!

— Хорошо! — отвѣтилъ спокойно Спартакъ, — это мы увидимъ потомъ. А теперь Расскажи мнѣ, въ чемъ заключается второе предложеніе консула Лукулла?

Посланникъ нѣкоторое время молчалъ, стараясь успокоиться.

Наконецъ, онъ сказалъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— Консулъ поручилъ — предложить тебѣ прекратить войну.

— Вотъ какъ! — удивился Спартакъ. — На какихъ же условіяхъ?

— Сенатъ сдѣлаетъ тебя римскимъ дворяниномъ, позволитъ тебѣ жениться на римлянкѣ, на которой пожелаешь, а затѣмъ тебѣ предоставляется на выборъ: если ты хочешь отличій на военномъ поприщѣ, то можешь отправиться въ походъ противъ сосѣднихъ народовъ въ качествѣ полководца. Если же ты хочешь тихаго домашняго счастья, то тебѣ дадутъ мѣсто губернатора въ одномъ изъ подвластныхъ римлянамъ городовъ. Съ тобою же будетъ сестра твоя Мирца.

Спартакъ всталъ. Онъ былъ блѣденъ, презрительная улыбка искривила его губы, сверкающіе глаза были устремлены на римлянина.

Послѣ долгаго молчанія онъ, наконецъ, спросилъ почти шопотомъ:

— А мои товарищи?

— Должны положить оружіе и разойтись — рабы къ своимъ хозяевамъ, гладіаторы по школамъ.

— И... все кончено? — сказалъ Спартакъ, медленно выговаривая каждое слово.

— Сенатъ готовъ все забыть и простить.

— Большое ему спасибо!—насмѣшливо воскликнулъ Спартакъ.—Какъ великодушень, какъ милосердъ вашъ сенатъ!

— Какъ?—гордо проговорилъ римлянинъ. Сенатъ долженъ былъ распять всѣхъ этихъ возмущившихся рабовъ, а вмѣсто того онъ прощаетъ ихъ, и этого тебѣ мало?

— О, напротивъ, слишкомъ много! Сенатъ прощаетъ побѣдоноснаго врага! Это дѣйствительно великодушно.

— Ты значить ни во что не ставишь честь, которую оказываетъ тебѣ сенатъ, превращая тебя, варвара и презрѣннаго гладіатора, въ римскаго губернатора.

Послѣ минутнаго молчанія Спартакъ съ горечью сказалъ:

— Итакъ, я цѣлыя восемь лѣтъ трудился для дѣла великаго, справедливаго, святого, подвергаясь всевозможнымъ опасностямъ, рискуя тысячу разъ головою; я собралъ подъ знамя свободы семьдесятъ тысячъ моихъ несчастныхъ товарищей, я водилъ ихъ столько разъ къ побѣдѣ и все для того, чтобы сказать имъ въ одно прекрасное утро; наши побѣды—не побѣды, а пораженія; свобода, для которой я звалъ васъ сюда—пустой звукъ; вернитесь къ своимъ господамъ и подставьте снова шею подъ ярмо, а спины подъ плети!

Оба нѣсколько времени молчали. Затѣмъ Спартакъ тихо спросилъ римскаго посла:

— Ну, а что если гладіаторы не послушаютъ моихъ просьбъ и совѣтовъ и не захотятъ разойтись?

— Тогда,—медленно и запинаясь сказалъ посолъ, опуская глаза,—тогда... такому искусному полководцу, какъ ты... не трудно будетъ... вѣдь ты это сдѣлаешь, въ сущности, для ихъ-же пользы... завести войско въ опасныя мѣста...

— Гдѣ консулъ Лукуллъ,—проговорилъ Спартакъ, до крови кусая себѣ губы отъ скрытаго бѣшенства — будетъ ждать его со своими легіонами, окружить его и заставитьъ, волей-неволей, положить оружіе, и даже потомъ можетъ приписать себѣ честь этой легкой побѣды? Вѣдь такъ! Отвѣчай!...

Римлянинъ еще ниже опустилъ голову и молчалъ.

— Отвѣчай, вѣдь такъ? — крикнулъ Спартакъ громовымъ голосомъ, отъ котораго вздрогнулъ его собесѣдникъ.

Онъ поднялъ глаза на Спартака, но лицо его дышало такимъ дикимъ гнѣвомъ, что онъ, невольно отступилъ на шагъ.

— О, — вскричалъ еракіецъ, давъ, наконецъ, волю своему бѣшенству,—благодари всѣхъ боговъ неба, что презрѣнный гладіаторъ умѣетъ чтить священныя права пословъ! Низкій и подлый человѣкъ, подобный твоему сенату и всѣмъ твоимъ патриціямъ! Ты явился, чтобы предложить мнѣ измѣну, измѣну самую гнусную, какую только можетъ придумать человѣкъ. Ты не постыдился подлостью достичь того, чего не можешь достичь силою оружія!

— Эй, варвары!—съ негодованіемъ воскликнулъ посоль, отступая два шага и устремляя на Спартакъ высокомерный взглядъ,—ты кажется забылъ, съ кѣмъ ты говоришь?

— Нѣтъ, Лукуллъ, консулъ римскій, ты забылъ, гдѣ ты и съ кѣмъ говоришь! Ты думалъ, что я тебя не узнаю? Презрѣнный! Подъ лживымъ именемъ ты пришелъ предательски соблазнять меня на измѣну, полагая, что, подобно тебѣ я способенъ на всякую низость? Ступай, вернись въ Римъ, собери новыя войска и приходи помѣряться со мною въ открытомъ бою. Тамъ, если только у тебя хватитъ храбрости стать со мною лицомъ къ лицу, какъ стоишь теперь, тамъ дамъ я тебѣ отвѣтъ, достойный твоихъ гнусныхъ предложеній.

— Но неужели же ты, несчастный глупецъ,—отвѣчалъ съ презрѣніемъ консулъ, неужели же ты надѣешься долго выдержать напоръ нашихъ легіоновъ? Неужели думаешь окончательно побѣдить могущество и счастье Рима?

— Я надѣюсь вывести изъ Италіи и провести на родину эти толпы безправныхъ рабовъ и оттуда поднять противъ васъ всѣ угнетенные народы,—отвѣчалъ Спартакъ.

Затѣмъ, повелительнымъ жестомъ онъ приказалъ консулу уйти.

— Послушай, консулъ римскій,—сказалъ еракіецъ, когда тотъ уже повернулся, чтобы уйти,—такъ какъ мнѣ извѣстно, что тѣ изъ моихъ солдатъ, которые попали къ вамъ въ плѣнъ, въ по-

Благодари всѣхъ боговъ. (Стр. 111).

слѣдней войнѣ, были вами распяты, то предупреждаю тебя, что если въ теченіи двадцати дней мнѣ не будетъ доставлено оружіе, которое я требую, то четыре тысячи вашихъ солдатъ, взятыхъ мною въ плѣнъ, тоже будутъ распяты.

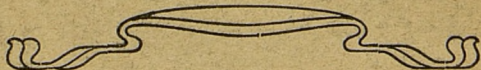
— Какъ?.. Ты осмѣлишься?.. — вскричалъ консулъ блѣднѣя.

— Все позволительно съ такими людьми, какъ вы! — воскликнулъ Спартакъ. — Теперь ступай!

Оставшись одинъ, еракіецъ долго ходилъ взадъ и впередъ по своей палаткѣ, погруженный въ самыя мрачныя и тяжелыя думы.

Только спустя нѣсколько часовъ онъ приказалъ позвать къ себѣ Крисса, Окномана и другихъ начальниковъ своихъ легіоновъ и рассказалъ имъ о приходѣ римскаго консула въ ихъ лагерь и о своемъ разговорѣ съ нимъ.

Всѣ гладіаторы горячо благодарили Спартака за его твердое и благородное поведеніе и ушли исполненные самаго глубокаго уваженія и преданности къ своему другу и верховному вождю.

Ты лжешь презрѣнный пьяница! (Стр. 119).

XIII.

Войско Спартака увеличивалось не по днямъ, а по часамъ. Вскорѣ подъ его знаменами находилось до 70 тысячъ пѣхоты и восьми тысячъ кавалеріи. Многіе изъ предводителей гладіаторскаго войска, особенно же Окноманъ, считали возможнымъ двинуться съ этими силами на Римъ и взять его приступомъ.

Но Спартакъ понималъ, что идти на Римъ было бы губительно для всего дѣла. Не разъ уже великіе полководцы того времени, обладая вчетверо сильнѣйшимъ войскомъ, пытались взять приступомъ этотъ городъ и всегда терпѣли поражение. ☹

Война съ римлянами могла бы быть успѣшною только въ томъ случаѣ, если бы Спартаку удалось выбраться со своимъ войскомъ изъ Италіи на сѣверъ и поднять всѣ многочисленные народы, сто-

навшіе подъ жестокиѣмъ игомъ римлянъ. Только соединенными силами они могли бы разорвать желѣзныя цѣпи, которыми они были скованы.

Зная все это, Спартакъ собралъ на военный совѣтъ предводителей и, подробно рассказавъ имъ свой планъ, горячо убѣждалъ ихъ не терять времени и немедленно двинуться вонъ изъ Италіи.

Съ большимъ трудомъ ему удалось склонить на свою сторону начальниковъ легионовъ, и вскорѣ все войско двинулось на сѣверъ.

Болѣе всѣхъ былъ недоволенъ этимъ рѣшеніемъ Окноманъ. Однако онъ, хотя и противъ воли, подчинился рѣшенію большинства.

Когда дней черезъ десять гладіаторы расположились лагеремъ недалеко отъ Камерина, они узнали отъ развѣдчиковъ, что одинъ изъ консуловъ съ сильнымъ войскомъ находится впереди ихъ, преграждая имъ дальнѣйшій путь, между тѣмъ какъ другой съ меньшими силами находится съ тылу. Такимъ образомъ они очутились между двумя сильными арміями, и Спартаку во что бы то ни стало надо было сражаться раньше, чѣмъ они успѣютъ соединиться.

Поэтому онъ рѣшилъ съ наступленіемъ утра выступить со всѣмъ войскомъ на встрѣчу ближайшему консулу Лентулу и, разбивъ его, броситься тотчасъ же на другого.

Отдавъ всѣ нужныя приказанія, Спартакъ ушелъ въ свою палатку, и съ наступленіемъ вечера весь лагерь погрузился въ сонъ.

Не спалъ одинъ Окноманъ.

Хотя онъ и подчинился общему рѣшенію вождей, однако онъ былъ убѣжденъ, что теперь настало самое удобное время идти на Римъ и однимъ ударомъ разрушить его до основанія. Не будучи въ состояніи понять, какъ благоразуменъ и великъ былъ планъ Спартака, онъ полагалъ, что еракіецъ дѣлаетъ неисправимую ошибку, уводя войско дальше отъ Рима.

Мало по малу въ душу его стала закрадываться безумная мысль, что Спартакъ это дѣлаетъ сознательно, подкупленный римлянами. Подозрѣніе это особенно усилилось, когда онъ узналъ, что консульскія войска окружили ихъ со всѣхъ сторонъ.

Въ ту ночь, о которой мы говоримъ, Окноманъ быстро ходилъ по своей палаткѣ, обдумывая, какъ ему предупредить предполагаемую измѣну Спартака.

— Ну, нѣтъ, клянусь всѣми богами,—лепеталъ онъ,—я не дамъ повести себя на убой вмѣстѣ съ моими храбрыми легіонами. Нѣтъ... сегодня же, сейчасъ я уйду изъ лагеря предателя.

Вскорѣ звукъ трубъ разбудилъ спящихъ гладиаторовъ и они поспѣшно стали выбѣгать изъ своихъ палатокъ и строиться въ боевой порядокъ. Первымъ выскочилъ Спартакъ и спросилъ въ чемъ дѣло.

— Кажется, римляне! — отвѣчалъ тотъ.

— Какъ? Откуда? Какимъ образомъ?—спросилъ пораженный еракіецъ. Но зная, что на войнѣ все возможно, онъ поспѣшно вооружился и направился къ воротамъ лагеря.

Здѣсь онъ узналъ, что Окноманъ выводитъ свои легіоны, и что прочіе легіоны собираются послѣдовать его примѣру, полагая, что приказъ о выступленіи данъ самимъ Спартакъ.

— Что бы это значило!—воскликнулъ еракіецъ и подошелъ къ своему другу.

— Окноманъ, что ты дѣлаешь? Что случилось? Куда ты идешь?—кричалъ Спартакъ еще издали.

— Иду вонъ изъ лагеря предателя,—отвѣчалъ спокойнымъ и громкимъ голосомъ германецъ, и всякій, кто не захочетъ, чтобы его предали въ руки враговъ, долженъ бѣжать отсюда и вмѣстѣ со мною идти на Римъ.

— О какомъ предательствѣ ты говоришь, на кого намекаешь?—спросилъ Спартакъ.

— О тебѣ говорю, на тебя намекаю,—отвѣчалъ Окноманъ. Мы возстали противъ Рима и я хочу идти на Римъ и вовсе не намѣренъ вести свое войско за границу, чтобы по дорогѣ ты предалъ насъ въ руки враговъ и чтобы римляне насъ изрубили въ куски.

— Клянусь Юпитеромъ,—вскричалъ внѣ себя отъ гнѣва Спартакъ,—если ты шутишь, то твоя шутка можетъ стоить тебѣ очень дорого.

— Я не шучу, клянусь всѣми богами, а говорю то, что я думаю.

— Такъ стало быть ты считаешь меня измѣнникомъ?—сказалъ Спартакъ глухимъ голосомъ.

— Не только считаю, но и объявляю объ этомъ передъ всѣмъ войскомъ.

— Ты лжешь, презрѣнный пьяница!—крикнулъ Спартакъ громовымъ голосомъ и, выхвативъ изъ ноженъ свой грозный мечъ, бросился на Окномана.

Окноманъ, прищпоривъ коня, тоже бросился на Спартака съ обнаженнымъ мечомъ. Криссъ тотчасъ же схватилъ подъ уздцы коня германца и отвелъ его въ сторону, въ то время какъ окружающіе вырвали у него мечъ.

— Окноманъ, если ты дѣйствительно не лишился разсудка, какъ это можно думать по твоимъ словамъ, то ты самъ измѣнникъ, подкупленный римскимъ золотомъ!—вскричалъ Криссъ.

— Клянусь всѣми богами неба и ада, только человѣкъ, подкупленный римлянами, можетъ поступить, какъ поступаешь ты!..

Въ эту минуту Спартакъ подошелъ къ Окноману и спокойно вложилъ свой мечъ въ ножны. Нѣсколько минутъ онъ молча смотрѣлъ въ лицо германцу, и, наконецъ, сказалъ:

— Если бы кто нибудь другой произнесъ то, что ты сказалъ въ эту минуту, онъ былъ бы уже мертвъ. Тутъ какое то адское коварство, идущее безъ сомнѣнія изъ Рима. Можешь уходить. Бросай дѣло твоихъ братьевъ и твои знамена. Я же здѣсь передъ лицомъ твоихъ легионовъ и всего войска, клянусь прахомъ моего отца, памятью моей матери,

головой сестры, всѣмъ, что есть святого на землѣ, что не только не повиненъ въ гнусностяхъ, которыя ты на меня возводишь, но даже не понимаю, о чемъ ты говоришь. Если я хоть однимъ помысломъ измѣнилъ дѣлу освобожденія моихъ братьевъ, то пусть испепелить меня молнія Юпитера, пусть имя мое перейдетъ въ отдаленное потомство съ позорнымъ клеймомъ измѣны; пусть оно будетъ проклинаться изъ рода въ родъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Клятва эта, произнесенная громкимъ и твердымъ голосомъ, въ которомъ звучала правда, произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ окружающихъ и, казалось, даже на суевѣрнаго Окномана. Но въ эту минуту въ другомъ концѣ лагеря раздался неожиданный звукъ трубъ. Всѣ встрепенулись.

— Что это значить? О, боги! Это сигналъ нашихъ легіоновъ,—воскликнулъ Криссъ.

— Небо!—вскричалъ Спартакъ, блѣднѣя какъ полотно,—неужели еще легіонъ уходитъ?

Подбѣжавъ къ воротамъ, Спартакъ и Криссъ увидали сотню германскихъ всадниковъ, которые спѣшили догнать свой легіонъ. Завидѣвъ обоихъ начальниковъ, они вскричали:

— Вотъ Спартакъ!

— Вотъ измѣнники!

— Убьемъ его!

Схвативъ луки, они пустили въ нихъ тучу стрѣлъ. Спартакъ и Криссъ едва успѣли прикрыться щитами, куда попало по нѣсколько стрѣлъ. Криссъ

же, бросившись впередъ, чтобы заслонить собою своего друга крикнулъ:

— Именемъ нашего дѣла заклинаю тебя: „Спасайся“!

Однимъ прыжкомъ Спартакъ перескочилъ черезъ широкій ровъ, находившійся неподалеку и полемъ побѣжалъ къ лагерю. Криссъ послѣдовалъ его примѣру, не теряя ни минуты времени. Германскіе всадники бросились на нихъ, но увидавъ передъ собою ровъ, повернули коней и поѣхали впередъ.

Всю ночь Спартакъ ходилъ взадъ и впередъ по своей палаткѣ, погруженный въ самыя мрачныя думы. Его одинаково терзала мысль о непонятной измѣнѣ Окномана и о судьбѣ десяти тысячъ гладіаторовъ.

Лишь только занялась заря, Спартакъ приказалъ сниматься съ лагеря и двинулся на встрѣчу римскимъ войскамъ, предводимымъ Лентуломъ. Вскорѣ римляне показались за валомъ. Въ исходѣ битвы нельзя было сомнѣваться. Обладая арміей почти вдвое болѣе многочисленной, Спартакъ въ какіе-нибудь три часа охватилъ легіоны Лентула со всѣхъ сторонъ, и римляне, несмотря на всю свою храбрость, должны были быстро отступить.

Замѣтивъ замѣшательство враговъ, еракіецъ сталъ лично во главѣ резерва и напалъ на римлянъ съ такою быстротой, что ряды ихъ окончательно разстроились и они бросились бѣжать въ свой лагерь.

Но гладіаторы, преслѣдуя ихъ по пятамъ, овладѣли лагеремъ, обозомъ, знаменами и всей казной консула.

Несмотря на радость, вызванную этой новой побѣдой, Спартака не покидала тревожная мысль объ участи двухъ германскихъ легіоновъ. Онъ опасался, чтобы консулъ Геллій, узнавъ объ отдѣленіи двухъ легіоновъ гладіаторовъ, не воспользовался случаемъ, чтобы одержать такую легкую и вѣрную побѣду. Поэтому на слѣдующій же день, рано утромъ, Спартакъ двинулъ свои войска вслѣдъ за Окноманомъ.

Но пока еракіецъ пробирался по горнымъ и каменистымъ тропинкамъ, Геллій съ тридцати тысячнымъ войскомъ успѣлъ окружить Окномана.

Жестока и кровопролитна была сѣча, и въ теченіе двухъ часовъ германцы, одушевленные примѣромъ своего вождя, Окномана, храбро выдерживали напоръ втрое сильнѣйшаго непріятеля.

Но видя, что имъ нѣтъ больше спасенія, германцы рѣшили подороже продать свою жизнь.

Послѣ ожесточеннаго сопротивленія, продолжавшагося около трехъ часовъ, они пали всѣ до послѣдняго, нанеся тяжелый уронъ и римлянамъ. Однимъ изъ послѣднихъ погибъ Окноманъ, убившій собственноручно одного начальника и множество римскихъ солдатъ. ○

Окруженный горою труповъ, онъ продолжалъ сражаться, несмотря на множество ранъ. Наконецъ, пораженный нѣсколькими копьями въ спину,

онъ съ яростнымъ крикомъ упалъ мертвый на землю.

Не успѣли римляне собрать свои разстроенныя битвой войска, какъ сильный звукъ трубъ далъ имъ знать о приближеніи новаго врага. Это былъ Спартакъ.

Какъ ни спѣшили гладіаторы на помощь Окноману, они однако не застали уже въ живыхъ ни одного изъ десяти тысячъ воиновъ, и имъ оставалось только отомстить за своихъ братьевъ. Не давъ ни минуты отдыха своимъ утомленнымъ войскамъ, Спартакъ повелъ ихъ противъ римлянъ.

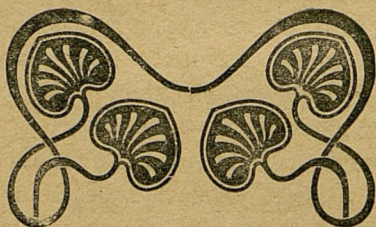
Подобно дикимъ звѣрямъ, яростно бросились гладіаторы на враговъ, и вскорѣ войско Геллія обратилось въ бѣгство.

Четырнадцать тысячъ его воиновъ легло на полѣ битвы, и самъ консулъ, раненый, спасся только благодаря быстротѣ своего коня. Ничтожные остатки его арміи въ страшномъ безпорядкѣ разбѣжались по всѣмъ направленіямъ.

Радость гладіаторовъ по поводу такой блистательной побѣды была однако омрачена мыслию о гибели двухъ германскихъ легіоновъ, и Спартакъ, вмѣсто празднованія, назначилъ въ этотъ день печальные поминки во всемъ войскѣ.

На другой день послѣ побѣды гладіаторы предали погребенію тѣла убитыхъ товарищей. Все поле было покрыто громадными кострами, на которыхъ, по обычаю римлянъ того времени, сожигались тѣла покойниковъ.

Трупъ Окиомана былъ положенъ на отдѣльный костеръ. Спартакъ нѣсколько разъ поцѣловалъ своего погибшаго друга и дрожащимъ отъ слезъ голосомъ произнесъ надъ нимъ надгробное слово, въ которомъ припоминалъ безпредѣльную храбрость, честность и прямоту его. Затѣмъ, взявъ въ руки факель, онъ самъ поджегъ костеръ.

XIV.

Отдохнувъ здѣсь нѣсколько недѣль и набравъ еще три легіона рабовъ, Спартакъ двинулся вновь на сѣверъ, чтобы, такимъ образомъ, привести въ исполненіе свой планъ,—вывести войско изъ Италіи. Но послѣднія блестящія побѣды, одержанныя гладіаторами, благодаря военному искусству Спартака, сдѣлали ихъ заносчивыми и самонадѣянными. Они еще болѣе прежняго сгорали желаніемъ идти на Римъ. Кромѣ того многіе изъ начальниковъ, способные быть только хорошими исполнителями, считали себя въ глубинѣ души, пожалуй даже выше Спартака и завидовали его славѣ. Другихъ раздражала строгая дисциплина *), введенная въ арміи и они мечтали о грабежахъ и разбояхъ. Однимъ словомъ, начались смуты и волненія.

Поэтому, когда Спартакъ, получивъ извѣстіе о приближеніи римскаго войска, собралъ начальниковъ для обсужденія плана войны, одинъ изъ нихъ опутивъ глаза въ землю нерѣшительно проговорилъ:

*) Строгій порядокъ.

— Сражаться то мы рады, но ужъ изъ Италіи, какъ хочешь, не уйдемъ!

— Что!—воскликнулъ пораженный Спартакъ.— Что ты сказалъ?!

— Онъ сказалъ, что семь легионовъ хотятъ идти на Римъ.

— А, —воскликнулъ Спартакъ съ гнѣвомъ, плохо скрывавшимъ, однако, глубокую печаль,— опять возмущеніе! Мало вамъ развѣ, безумные, ужаснаго примѣра несчастнаго Окномана! Клянусь богами, вы сумасшедшіе, либо измѣнники!

Гладиаторы угрюмо молчали.

— Ну, хорошо,—сказалъ еракіецъ,—теперь мы въ виду непріятеля, и пока онъ не разбитъ, вы будете повиноваться мнѣ безусловно. Потомъ пусть все войско разсудитъ. А теперь ступайте!

И затѣмъ, повелительнымъ голосомъ прибавилъ:

— И берегитесь малѣйшаго неповиновенія во время похода или сраженія, потому что первый, кто произнесетъ непокорное слово, погибнетъ отъ этого меча, который никогда не даетъ промаха!..

Начальники молча развѣхались по своимъ частямъ.

На третій день послѣ описаннаго выше разговора, Спартакъ снова одержалъ побѣду надъ римлянами.

Вскорѣ затѣмъ все гладиаторское войско выстроилось на огромной равнинѣ, чтобы рѣшить,

Берегитесь малѣйшаго исповиновенія. (Стр. 126).

нужно ли продолжать дальнѣйшее движеніе или вернуться назадъ и идти на Римъ.

Въ краткой, но прочувствованной рѣчи объяснилъ Спартакъ всѣ выгоды своего плана.

— Если я совѣтую вамъ покинуть Италію,—сказалъ онъ въ заключеніе,—то только потому, что вполне убѣжденъ въ томъ, что страна эта будетъ могилой гладіаторовъ, какъ она была могилой всѣхъ чужеземцевъ, сражавшихся когда либо на ея почвѣ. Онъ закончилъ торжественной клятвой, что не руководится ничѣмъ, кромѣ блага гладіаторовъ. Пусть войско рѣшитъ. Онъ же, вождемъ или солдатомъ, всегда останется вмѣстѣ съ ними и съ радостью готовъ погибнуть со своими братьями, если того захотятъ боги.

Не успѣлъ еракіецъ окончить своей рѣчи, какъ одинъ изъ его завистниковъ сталъ увѣрять гладіаторовъ, что теперь самый удобный моментъ, чтобы пойти на Римъ, окончательно разрушить его и избавиться разомъ отъ ненавистнаго имъ ярма.

— На Римъ! На Римъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Когда стали считать голоса, то оказалось, что за предложеніе Спартака было всего двадцать тысячъ человѣкъ, въ то время какъ 50 тысячъ хотѣло идти на Римъ.

Легко себѣ представить, до какой степени былъ огорченъ этимъ неожиданнымъ рѣшеніемъ Спар-

такъ, видѣвшій въ походѣ на Римъ конечную гибель всѣхъ своихъ надеждъ и желаній.

Долго стоялъ онъ опустивъ голову на грудь, не произнося ни слова. Наконецъ, обративъ свое блѣдное лицо къ Криссу, опечаленному не меньше его, онъ съ горечью воскликнулъ:

— Нечего сказать, большое довѣріе заслужилъ я въ собственномъ войскѣ послѣ столькихъ трудовъ, опасностей и страданій!

Простоявъ еще нѣсколько минутъ въ молчаніи, онъ обратился къ легіонамъ, ожидавшимъ его отвѣта, и громкимъ голосомъ сказалъ:

— Хорошо! я подчиняюсь вашей волѣ и иду съ вами на Римъ, но только не вождемъ вашимъ, а простымъ солдатомъ. Выбирайте на мое мѣсто другого вождя.

— Нѣтъ, нѣтъ, клянусь богами! ты долженъ остаться нашимъ вождемъ, потому что между нами нѣтъ другого, тебѣ равнаго,—воскликнулъ одинъ.

— Выберемъ снова Спартака нашимъ вождемъ!—крикнулъ другой.

— Спартака хотимъ вождемъ! Спартака вождемъ!—закричали, какъ одинъ человекъ, всѣ семьдесятъ тысячъ гладіаторовъ.

— Нѣтъ! Ни за что! Я противъ похода на Римъ и не вѣрю въ его удачу. Изберите одного изъ тѣхъ, которые сулятъ вамъ побѣду!

— Тебя вождемъ! Тебя вождемъ!—кричали легіоны. Но Спартакъ и слушать не хотѣлъ и удался въ свою палатку.

Тогда всѣ начальники легионовъ отправились просить его снова принять верховную власть, обѣщая во всемъ слушаться, лишь бы онъ согласился вести ихъ на Римъ.

Тронутый выраженіемъ такой единодушной любви и преданности, Спартакъ, наконецъ, уступилъ и, обращаясь къ окружавшимъ его, сказалъ:

— Вы этого хотите? Пусть будетъ по вашему. Я останусь вашимъ предводителемъ. Не обѣщаю вести васъ къ побѣдѣ, потому что не вѣрю въ нее. Но сдѣлаю все, чтобы отдалить пораженіе.

Такимъ образомъ, Спартакъ принужденъ былъ взяться за дѣло, которое считалъ невозможнымъ и въ успѣхъ котораго не вѣрилъ.

XV.

Извѣстіе о намѣреніи гладіаторовъ идти на Римъ вызвало страшное волненіе въ столицѣ Италіи.

Было созвано чрезвычайное собраніе сената, на которомъ рѣшили призвать лучшихъ полководцевъ, занятыхъ въ то время войною съ сосѣдными племенами. Но тутъ какъ разъ явился Маркъ Крассъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ полководцевъ Рима, чтобы набрать стотысячное войско для продолженія войны съ сосѣдями. Сенатъ съ радостью поручилъ ему прекратить, наконецъ, эту, постыдную для ихъ гордости, войну съ рабами. ✚

Набравъ нужное войско, М. Крассъ вскорѣ выступилъ въ походъ и расположился лагеремъ недалеко отъ гладіаторовъ. Такъ какъ силы съ обѣихъ сторонъ были почти равныя, то оба полко-

водца долго избѣгали рѣшительнаго сраженія, только иногда происходили отдѣльныя стычки, и Спартаку, между прочимъ, удалось разбить довольно большой римскій отрядъ, отдѣлившійся отъ главнаго войска.

Наконецъ, еракіецъ придумалъ очень смѣлый планъ, который долженъ былъ несомнѣнно доставить ему побѣду надъ врагами. Онъ рѣшилъ выслать Крисса съ тридцатью тысячами воиновъ изъ лагеря, распустивъ слухъ, что они разсорились. И затѣмъ, когда Маркъ Крассъ узнавъ объ этомъ, нападетъ на Спартака, Криссъ долженъ былъ вернуться и ударить въ тылъ римлянъ.

Хитрость Спартака несомнѣнно удалась бы, если бы какъ разъ въ это время самая гнусная измѣна не появилась въ гладіаторскомъ лагерѣ.

Темною ночью, когда всѣ римляне спали, одинъ изъ приближенныхъ М. Красса разбудилъ его и доложилъ, что какой-то посолъ отъ гладіаторовъ желаетъ немедленно переговорить съ нимъ наединѣ по очень важному дѣлу.

Это былъ рабъ, рѣшившійся изъ личной мести къ Спартаку, предать своихъ братьевъ въ руки врага. Измѣнникъ разсказалъ римскому полководцу о планѣ еракійца и сообщилъ ему мѣсто, гдѣ расположится отрядъ Крисса.

М. Крассъ воспользовался этимъ важнымъ извѣстіемъ и въ ту же ночь направилъ свои войска къ тому мѣсту, куда на другое утро долженъ былъ явиться Криссъ.

Когда тридцатитысячное войско гладіаторовъ пришло къ заранѣе назначенному мѣсту, они вдругъ замѣтили, что со всѣхъ сторонъ окружены римлянами. Тутъ закипѣлъ страшный бой.

Дикіе крики сражающихся, звонъ оружія, стоны, вопли умирающихъ, нарушили вѣковую тишину этой пустынной мѣстности.

Криссъ обходилъ свое войско и одушевлялъ его. Съ обѣихъ сторонъ сражались съ одинаковымъ ожесточеніемъ. Противники убивали другъ друга, падали на землю не отступая ни на шагъ. Нѣсколько часовъ длилась сѣча. Окруженные со всѣхъ сторонъ втрое сильнѣйшимъ войскомъ, гладіаторы не могли надѣяться на побѣду, но желали какъ можно дороже продать свою жизнь. Единственная слабая надежда была на то, что Спартакъ со своимъ войскомъ подоспѣетъ къ нимъ на помощь. Но видя гибель своего войска, Криссъ устремилъ взглядъ на то мѣсто, откуда могъ появиться Спартакъ и воскликнулъ дрожащимъ голосомъ:

— Спартакъ, ты не поспѣешь ни спасти насъ, ни отомстить за нашу гибель. Бѣдный другъ! Каково-то будетъ у тебя на сердцѣ, когда ты увидишь такое жалкое истребленіе тридцати тысячъ твоихъ храбрѣйшихъ товарищей!

Затѣмъ, обращаясь къ нѣсколькимъ смѣльчакамъ, отчаянно сражавшимся рядомъ съ нимъ, онъ сказалъ:

— Братья, пришла пора умирать! Крѣпко стиснувъ мечи въ рукахъ, они бросились впередъ крича:

— Эй, римляне, вы храбры только, когда васъ трое противъ одного! Выходите же, не бойтесь, теперь на одного—васъ пятеро!

Отчаянно сражалась эта кучка храбрецовъ; но пораженные десятками ударовъ спереди, сзади, съ боковъ, всѣ они были вскорѣ перебиты. Погибъ и Криссъ, тѣло котораго превратилось въ одну сплошную рану.

— Пусть... побѣда... попрежнему не покидаетъ твоихъ знаменъ... о, Спартакъ!—прошепталъ онъ и выпустилъ духъ.

Такъ кончилась ужасная битва, въ которой погибло тридцать тысячъ гладіаторовъ и десять тысячъ римлянъ.

Только около восьмисотъ рабовъ, большею частью тяжело раненыхъ попались въ плѣнъ и Маркъ Крассъ приказалъ ихъ распять вдоль большой дороги.

Тѣмъ временемъ, Спартакъ, не зная объ измѣнѣ весь день ждалъ извѣстій отъ Крисса. Каковъ же былъ его ужасъ, когда вечеромъ къ нему прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ о внезапномъ нападеніи римлянъ на отрядъ Крисса.

— Боги ада!—вскричалъ Спартакъ, поблѣднѣвъ, какъ полотно.

— На коней, на коней!... Въ походъ! Криссъ умираетъ! Тридцать тысячъ нашихъ братьевъ гибнутъ подъ ударами враговъ! Я помчусь впередъ

съ конницей! Спѣшите же, летите же, заклиная васъ!

Прискакавъ со своей конницей къ мѣсту битвы, онъ засталъ тамъ однѣ лишь груды труповъ.

— О, мои несчастные братья! О, мой возлюбленный Криссъ!—воскликнулъ Спартакъ и, закрывъ лицо руками, громко зарыдалъ.

Склонивъ головы на грудь, печально стояли гладіаторы вокругъ своего вождя, и долго никто не рѣшался прервать рыданій этого могучаго человека. Наконецъ, одинъ изъ нихъ подъѣхалъ къ нему и тихо сказалъ:

— Будь твердъ въ этомъ великомъ несчастіи, благородный вождь нашъ.

— О, Криссъ! О, братъ мой возлюбленный!—повторялъ Спартакъ сквозь душившія его слезы.

Долго бродили гладіаторы по этой долиніи смерти, пока Спартакъ нашелъ, наконецъ, окровавленный трупъ Крисса. Только лицо его оставалось нетронутымъ и хранило, даже послѣ смерти, печать мужества.

Припавъ къ груди своего умершаго друга, Спартакъ сквозь слезы повторялъ:

— О мой дорогой другъ! Вдали отъ меня погибъ ты жертвою подлой измѣны, и мнѣ не удалось ни подоспѣть къ тебѣ на помощь, ни отомстить за тебя врагамъ.

Онъ положилъ къ себѣ на плечи окровавленное тѣло гладіатора, понесъ его къ рѣкѣ и, обмывъ

его раны, завернулъ въ свой плащъ и крѣпко привязалъ къ спинѣ своей лошади.

Не успѣли гладіаторы проѣхать нѣсколько сажень, какъ глазамъ ихъ представилось страшное зрѣлище: на каждомъ изъ деревьевъ, окаймлявшихъ большую дорогу, висѣло по трупу. Это были рабы, взятые римлянами въ плѣнъ во время послѣдняго сраженія. Въ числѣ повѣшенныхъ Спартакъ узналъ одного изъ лучшихъ вождей гладіаторскаго войска, покрытаго двадцатью ранами и многихъ другихъ своихъ сподвижниковъ.

При этомъ ужасномъ зрѣлищѣ еракіецъ закрылъ глаза рукою, заскрежеталъ зубами, и закричалъ отъ боли и бѣшенства, какъ раненый левъ:

— А, вы вѣшаете плѣнныхъ! Хорошо же! Кровь за кровь, смерть за смерть, муки за муки! Клянусь, что отнынѣ я буду вѣшать всѣхъ плѣнныхъ римлянъ, какъ паршивыхъ собакъ!

Вернувшись съ поля битвы, Спартакъ перевелъ свой лагерь въ горныя ущелья, гдѣ римляне не могли воспользоваться своимъ численнымъ превосходствомъ.

Здѣсь Спартакъ вывелъ свое войско на обширное поле и, выстроивъ его вокругъ обширнаго костра, на которомъ лежало тѣло Крисса, приказалъ ввести во внутрь этого круга самыхъ знатныхъ римскихъ плѣнныхъ.

Одна половина ихъ была одѣта самнитами, другая—еракійцами. Когда они выстроились другъ противъ друга, Спартакъ обратился къ нимъ и

сказалъ такъ громко, чтобы его могло услышать все войско:

— Благородные юноши! Вы принадлежите къ знатнѣйшимъ фамиліямъ, прославленнымъ на весь міръ своимъ грабительствомъ, предательствомъ и насиліемъ. Вы рѣшились взяться за мечи, чтобы помѣряться силами съ низкими и презрѣнными рабами. Но презрѣнные рабы оказались сильнѣе и храбрѣе васъ. Вы не годитесь для войны, ну такъ забавьте же насъ гладіаторскимъ боемъ. Вы столько разъ любовались въ циркахъ нашего Рима, какъ эти несчастныя животныя въ образѣ человѣческомъ рѣжутъ другъ друга; вы столько разъ опускали палецъ внизъ, чтобы посмотрѣть, какъ будетъ добить несчастный гладіаторъ, ну такъ позабавьте же хоть одинъ разъ тѣхъ, которые васъ забавляли всю жизни!

Громовой, бѣшенный крикъ восторга вырвался изъ груди всѣхъ пятидесяти тысячъ гладіаторовъ, когда Спартакъ окончилъ свою рѣчь. Глаза ихъ зажглись свирѣпой и безграничной радостью. Этотъ день, этотъ гладіаторскій бой знатныхъ римлянъ, мстилъ за всѣ униженія, которымъ они подвергались, за позоръ, за безчеловѣчіе ежедневнаго братоубійства, на которое они были осуждены.

Они могли хоть разъ въ жизни наслаждаться эрѣлищемъ взаимнаго истребленія тѣхъ, которые до сихъ поръ всегда наслаждались рѣзней другихъ; хоть на минуту превратить надменныхъ римлянъ въ гладіаторовъ, а самимъ любоваться ихъ

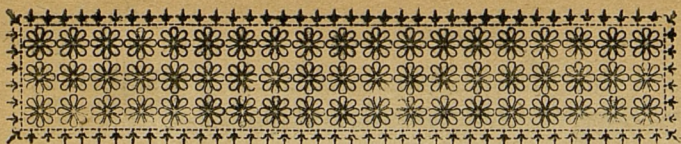
бойней, упиваться ихъ позорной смертью. О, все это было для бѣдныхъ, истерзанныхъ гладіаторовъ чѣмъ то великимъ и непостижимымъ.

Эта безчеловѣчная травля людей людьми, унижающая человѣческое достоинство, совершенно понятна и объяснима была для гладіаторовъ. Угнетенные своимъ ужаснымъ положеніемъ, своими страданіями, страданіемъ своихъ родинъ, семействъ и товарищей, гладіаторы не могли видѣть въ знатныхъ римлянахъ ничего другого, кромѣ заклятыхъ враговъ, которыхъ чѣмъ больше уничтожить, тѣмъ лучше будетъ для рабовъ. Гладіаторы не понимали, да и не могли понять, что и римляне такіе же люди, какъ и они. Для нихъ римлянинъ былъ — ненавистный врагъ, притѣснитель, вѣковѣчный мучитель, котораго, ради общей свободы, ради собственной жизни, необходимо уничтожить.

Долго сопротивлялись злополучные римляне, но ихъ вынудили броситься другъ на друга и начать свирѣпый и смертельный бой.

Черезъ полчаса триста благородныхъ юношей лежало на землѣ въ цѣломъ морѣ крови.

— О, какъ сладка и какъ справедлива мечь! — воскликнулъ съ наслажденіемъ Спартакъ, не упустившій ни одного движенія въ этой кровопролитной схваткѣ.

XVI.

Не прошло и мѣсяца со смерти Крисса, какъ въ гладіаторскомъ лагерѣ снова начались смуты, окончившіяся отдѣленіемъ нѣсколькихъ легіоновъ.

Силы Спартака ослабѣвали, между тѣмъ какъ на помощь Марку Крассу двинулись всѣ войска и лучшіе римскіе полководцы.

Оракіецъ понялъ весь ужасъ своего положенія, но рѣшился попытать еще разъ счастье, прежде чѣмъ къ Крассу подоспѣютъ новые легіоны.

Приказавъ трубить сборъ всему войску, Спартакъ сталъ выводить его въ поле.

То же самое сдѣлалъ и римскій полководецъ.

Противники выстроились другъ противъ друга.

Проходя передъ своими легіонами, Спартакъ сказалъ:

— Братья! Отъ сегодняшней битвы зависитъ наша судьба. Сзади приближается къ намъ полководецъ Лукуллъ. Сбоку намъ угрожаетъ Помпей; впереди стоитъ Крассъ. Необходимо разбить Красса, чтобы потомъ броситься на Помпея, или

же погибнуть всѣмъ на мѣстѣ, какъ слѣдуетъ мужественнымъ воинамъ. Братья, не отступать ни на шагъ. Смерть или побѣда!

Такъ говорилъ Спартакъ. Въ эту минуту ему подвели любимаго коня чудной красоты, служившаго ему больше года. При видѣ прекраснаго животнаго, онъ вынулъ изъ ноженъ мечъ и, вонзивъ его въ грудь своего любимца, крикнулъ на все поле:

— Мнѣ не нужно сегодня коня: если я буду побѣдителемъ, то выберу любого изъ коней непріятеля; побѣжденный—не буду нуждаться въ конѣ ни сегодня, ни завтра, ни когда бы то ни было!

Гладіаторы поняли грозный смыслъ его словъ и стали требовать вести ихъ на римлянъ.

По знаку Спартака, затрубили трубы; все войско всколыхнулось.

Бѣшено бросились гладіаторы на римлянъ... Битва была ужасная и продолжалась цѣлый день. Къ концу дня римляне со всѣхъ сторонъ окружили втрое слабѣйшаго непріятеля и такимъ образомъ гладіаторы потеряли всякую надежду на спасеніе. Съ этой минуты не желаніе побѣды, а жажда мести одушевляла гладіаторовъ.

Лѣвый и правый флангъ, тѣснимые двойными и тройными силами римлянъ, значительно подались назадъ. Только середина, гдѣ сражался Спартакъ, держалась еще противъ непріятеля.

Наступилъ вечеръ, а бой все еще продолжался, но уже сосредоточивался на нѣсколькихъ пунктахъ, гдѣ отчаянно боролись кучки храбрыхъ.

Все это время Спартакъ не только не отступилъ ни на шагъ, но съ тысячею гладіаторовъ, окружавшихъ его, врѣзался клиномъ въ ряды римскаго легіона.

Мракъ ночи спустился уже на поле битвы, а римляне, одержавшіе окончательную побѣду, все еще должны были сражаться и сражаться.

Взошла луна и освѣтила своими блѣдными лучами эту ужасную картину кроваваго побоища.

Тридцать слишкомъ тысячъ гладіаторовъ лежали мертвыми на громадной полянѣ вперемежку съ восемнадцатю тысячами римлянъ. Битва была окончена.

Шестнадцать тысячъ гладіаторовъ вразсыпную, кучками и маленькими отрядами бѣжали въ сосѣдніе лѣса и горы.

Только въ одномъ мѣстѣ продолжали звенѣть мечи и раздаваться дикіе крики сражающихся.

Здѣсь нѣсколько сотъ человѣкъ, столпившихся вокругъ Спартака, продолжали защищаться съ упорствомъ, котораго, казалось, ничто не могло преодолѣть.

Луна поднялась высоко на горизонтѣ. Битва приближалась къ концу. Два послѣдніе товарища Спартака пали.

Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, весь покрытый ранами, Спартакъ все еще защищался

среди горы труповъ. Какъ молнія, сверкаль его грозный мечъ, и одинъ за другимъ падали всѣ, пытавшіеся напасть на него лицомъ къ лицу. Наконецъ дротикъ, пущенный въ него на разстояніи пяти шаговъ, тяжело ранилъ его въ лѣвую ногу. Онъ упалъ на колѣни, и прижавшись спиной къ стѣнѣ изъ труповъ, прикрылъ себя щитомъ и продолжалъ защищаться. Пораженный семью или во семью дротиками, пущенными въ него въ одно время съ разныхъ сторонъ, онъ упалъ на спину и умеръ.

Долго стояли въ удивленіи вокругъ него римляне, видѣвшіе, какъ онъ сражался отъ начала и до конца битвы.

Такъ окончилъ свои дни этотъ необыкновенный человѣкъ. Великія военныя дарованія, обширный умъ, безграничная храбрость соединялись въ немъ съ рѣдкою скромностью и безкорыстіемъ и дѣлали его не только первымъ полководцемъ, но и лучшимъ человѣкомъ того времени.

Два часа спустя римляне ушли въ свой лагерь. Зловѣщая тишина поля битвы нарушалась только стонами раненыхъ, умиравшихъ подъ грудами труповъ.

Какой то воинъ бродилъ по полянѣ, съ трудомъ подвигаясь между безчисленными трупами.

Однако, хотя и медленно, человѣкъ этотъ приближался къ тому мѣсту, гдѣ всего продолжи-

Хочу разделить съ тобою твою участь. (Стр. 145).

тельнѣе была битва. Здѣсь онъ остановился и, нагнувшись къ землѣ, сталъ осматривать одно за другимъ тѣла убитыхъ, пока не нашелъ, наконецъ, трупа Спартакъ.

Тогда, опустившись на колѣни, онъ приподнялъ его бѣлокурую голову и долго не спускалъ съ нея глазъ.

Лучъ луннаго свѣта упалъ на прекрасное лицо убитаго. Припавъ къ нему, воинъ залился горячими слезами.

Это была Мирца. Еще съ вечера Спартакъ, знавшій, что онъ долженъ умереть, приказалъ увести сестру подальше отъ мѣста битвы. Онъ не хотѣлъ, чтобы она была свидѣтельницей его смерти.

Хотя со слезами, Мирца покорила волѣ брата, но теперь, когда все было кончено, она въ одеждѣ воина вернулась въ послѣдній разъ взглянуть на дорогія черты.

— Спартакъ, братъ мой возлюбленный, повторяла она сквозь слезы, покрывая поцѣлуями его лицо.—Что они съ тобой сдѣлали! Сколько ранъ, о, боги! Сколько крови!

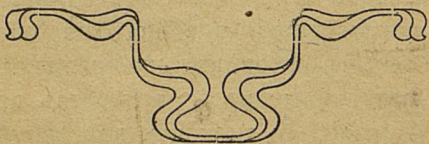
Ужъ никогда не увижу я твоихъ добрыхъ глазъ, милый, дорогой братъ мой! Никогда не услышу я твоего ласковаго голоса! О, Спартакъ, прости, прости на вѣкъ!

Съ этими словами она вынула изъ ноженъ кинжалъ Спартакъ и твердой рукой вонзила его себѣ въ грудь, не испустивъ ни стона. Кровь хлынула

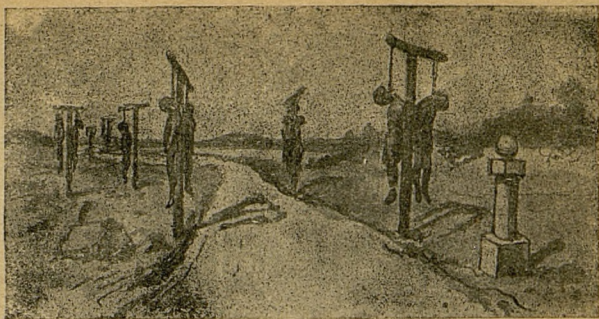
ручьёмъ изъ раны. Она же, крѣпко обнявъ своего возлюбленнаго брата, прошептала:

— Хочу раздѣлить съ тобой твою участь, о мой милый, мой возлюбленный братъ...

Она начинала терять сознаніе; ударъ былъ смертеленъ. Обнявъ еще крѣпче Спартака, она прижалась устами къ его устамъ и застыла на вѣкъ въ долгомъ, послѣднемъ поцѣлуѣ.

887609
63988

XVII.

Пятнадцать дней спустя послѣ описаннаго выше сраженія, гладіаторская война была окончена. Нѣсколько тысячъ человѣкъ, спасшихся отъ всеобщей гибели, разсѣянные по горамъ, безъ вождей, безъ взаимной связи, были почти всѣ изрублены отрядами Красса и Помпея, подоспѣвшими на мѣсто дѣйствія. Только шесть тысячъ человѣкъ были взяты живыми и повѣшены по дорогѣ отъ Капуи до Рима.

Сочиненія М. Горькаго.

Томъ десятый. ЖИЗНЬ НЕНУЖНАГО ЧЕЛОВѢКА. Кн. I-я.—ЗЛОДѢИ. Цѣна 1 р. 50 к.; въ перепл. 2 р. 50 к. Кн. II-я—Ц. 3 р.

Томъ одиннадцатый. ГОРОДОКЪ ОКУРОВЪ. Цѣна 1 р. 50 к.; въ перепл. 2 р. 50 к.

Томъ двѣнадцатый. МАТВѢЙ КОЖЕМЯКИНЪ. Часть I. Цѣна 3 р.; въ перепл. 4 р.

Томъ тринадцатый. МАТВѢЙ КОЖЕМЯКИНЪ. Часть II. Цѣна 3 р.; въ перепл. 4 р.

Томъ четырнадцатый. ЛѢТО. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Томъ пятнадцатый. МАТЬ. Кн. I и II.—Цѣна по 3 р. за книгу.

Томъ шестнадцатый. ПОЖАРЪ. Содержаніе: Пожаръ.—Урядникъ Крохалевъ.—Кража.—Случай изъ жизни Макара—Романтикъ.—Мордовка. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Томъ семнадцатый. СКАЗКИ. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Томъ восемнадцатый. ХОЗЯИНЪ.—ТРИ ДНЯ. Цѣна 2 р. 50 к.; въ перепл. 3 р. 50 к.

Томъ девятнадцатый. ПО РУСИ. (Очерки). Содержаніе: Рожденіе человѣка.—Ледоходъ.—Губинъ.—Нилушка.—Кладбище.—На пароходъ.—Женщина.—Въ ушельѣ.—Калининъ.—Бдетъ...—Покойникъ. Цѣна 2 р. 50 к.; въ перепл. 3 р. 50 к.

Томъ двадцатый. ДѢТСТВО. Цѣна 3 руб.

О ПИСАТЕЛЯХЪ-САМОУЧКАХЪ. Цѣна 50 коп.

С к и т а л е ц ъ .

Томъ первый. СКВОЗЬ СТРОЙ! Содержаніе: Сквозь строй!—Композиторъ.—Церковный староста.—Спѣвка.—Ранняя обѣдня.—Октава. Цѣна 2 руб., въ перепл. 3 руб.

Томъ второй. ЗА ТЮРЕМНОЙ СТѢНОЙ. Содержаніе: За тюремной стѣной.—Кандалы.—Профанъ.—Дѣдъ МатвѢй.—На лонѣ природы.—Въ деревнѣ.—Къ роднымъ берегамъ. Цѣна 2 руб.

Томъ третій. ПОЛЕВОЙ СУДЪ. Содержаніе: Полевой судъ.—Свидѣтель.—Лѣсъ разгорался.—Въ дорогѣ.—Сумерки.—Рѣка Уса.—Родной.—Талантъ.—Редедя.—Несчастіе.—Икаръ.—Любовь.—Разливъ—Волжскія пѣсни.

Томъ четвертый. ОГАРКИ. Содержаніе: Огарки.—Федоръ Ивановичъ.—Горемыкинъ.—У Дормидонки.—Гаркуша.—Встрѣча.

Томъ пятый. ЭТАПЫ. Содержаніе: Этапы.—Любовь декоратора.—Миньона.—Колдунъ.—Вій. Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ шестой. МЕТЕОРЪ. Содержаніе: Метеоръ.—О Львѣ Толстомъ.—О Шаляпинѣ.—Современникъ Пушкина.

Томъ седьмой. МЕСТЬ. Содержаніе: Местъ.—Квазимодо.—Клоунъ.—Безъ сезона.—Антихристовъ кучеръ.—Медіумъ.—Дуэтъ.—Въ лѣсу.—Разказы о заграницѣ. Шелька.—Давось.—Виллафранка.

Дешевая библиотечка.

- № 1. Всеволодъ Гаршинъ. СИГНАЛЪ. Разсказъ. Съ 3 рис. художн. И. Гурьева. Ц. 15 к.
- № 2. Всеволодъ Гаршинъ. СКАЗКА О ГОРДОМЪ АГГЕЪ. Цѣна 10 коп.
- № 3. Всеволодъ Гаршинъ. ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО. Цѣна 10 коп.
- № 4. Всеволодъ Гаршинъ. ЛЯГУШКА - ПУТЕШЕСТВЕННИЦА. Разсказъ. Цѣна 10 коп.
- № 5. С. И. Гусевъ-Оренбургскій. ПАСТЫРЬ ДОБРЫЙ. Съ 4 рисунками худож. И. Гурьева. Ц. 35 к.
- № 6. С. И. Гусевъ-Оренбургскій. КАХЕТИНКА. Съ 3 рис. художн. И. Гурьева.
- № 7. С. И. Гусевъ-Оренбургскій. КОНОКРАДЪ. Цѣна 20 к.
- № 8. С. И. Гусевъ-Оренбургскій. ПО ТЕЧЕНИЮ. Цѣна 15 к.
- № 9. С. И. Гусевъ-Оренбургскій. ИНТРИГА. Съ рисунок. художника И. Гурьева. Цѣна 7 коп.
- № 10. С. И. Гусевъ-Оренбургскій. РАБОЧІЙ. Съ 3 рис. художника И. Гурьева. Цѣна 50 коп.
- № 11. С. И. Гусевъ-Оренбургскій. СКВОЗЬ ПРЕГРАДЫ. Цѣна 20 коп.
- № 12. С. И. Гусевъ-Оренбургскій. НА РОДИНУ. Цѣна 30 коп.
- № 13. С. И. Гусевъ-Оренбургскій. ЗАСТУПНИКЪ. Ц. 25 коп.
- № 14. С. И. Гусевъ-Оренбургскій. ОТЕЦЪ ПАМФИЛЪ. Съ 2 рис. художн. И. Гурьева. Цѣна 10 к.
- № 14-а. С. И. Гусевъ-Оренбургскій. МАЛЕНЬКІЙ ПАВЛЮКЪ. Съ 3 рис. художника И. Гурьева. Цѣна 80 коп.
- № 15. С. И. Гусевъ-Оренбургскій. ГОРНАЯ ЛЕГЕНДА. Съ 3 рис. художника И. Гурьева. Цѣна 50 коп.
- № 16. С. И. Гусевъ-Оренбургскій. МУЗЫКАНТЪ. Съ 3 рис. художника И. Гурьева. Цѣна 35 коп.
- № 18. С. И. Гусевъ-Оренбургскій. ИЛЪЯ. Съ 3 рис. художника И. Гурьева.
- № 19. С. И. Гусевъ-Оренбургскій. ОТЕЦЪ ГЕННАДІЙ. Съ 3 рис. художника И. Гурьева.
- № 20. С. И. Гусевъ-Оренбургскій. МІРСКОЙ СЛУГА. Съ 3 рис. художника И. Гурьева.
- № 35. М. Ю. Лермонтовъ. ПѢСНЯ ПРО ЦАРЯ Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. Съ 4 рис. художника И. Гурьева. Цѣна 10 коп.
- № 36. М. Ю. Лермонтовъ. УЗНИКЪ и другія стихотворенія. Съ портретомъ автора, рисованнымъ имъ самимъ. Цѣна 10 коп.
- № 37. М. Ю. Лермонтовъ. МЦЫРИ. Съ 5 рисунк. художника И. Гурьева. Цѣна 10 коп.

100 =

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА
НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

--	--

Количество предыдущих выдач.....

